

**КЫРГЫЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Ж. БАЛАСАГЫНА**

**БИШКЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени К. КАРАСАЕВА**

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 10.22.644

*На правах рукописи
УДК 494.3-3:413.1*

Акынбекова Айман Усенбаевна

**ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЛДО НИЯЗА: ЛЕКСИКО-
ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЧАГАТАЙСКОГО
ЯЗЫКА В НИХ**

10.02.01 – кыргызский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук

Бишкек – 2022

Диссертационная работа выполнена на кафедре кыргызского языка и литературы Таласского государственного университета.

**Научный
консультант:**

Маразыков Турусбек Сейдакматович

член-корреспондент НАН КР, доктор филологических наук, профессор Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына

**Официальные
оппоненты:**

Сагынбаева Бурул

доктор филологических наук, профессор, заведующая отделением филологии Кыргызско-Турецкого университета “Манас”

Мирзахидова Миясар Инамжановна

доктор филологических наук, профессор кафедры кыргызского языка и литературы факультета Филологии Жалал-Абадского университета имени Б. Осмонова

Усубалиев Бейшенбай Шенкеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и связи общественностью Международного Кувейтского университета

**Ведущая
организация:**

кафедра кыргызского языка и литературы Иссык-Кульского государственного университета имени К. Тыныстанова (722200, г. Каракол, ул. Ж.Абдырахманова, 103).

Защита диссертации состоится «1» февраля 2023 года в 10:00 на заседании диссертационного совета Д 10.22.644 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) филологических наук при Кыргызском национальном университете имени Ж. Баласагына и Бишкекском государственном университете имени К. Карасаева, по адресу: 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547. Идентификационный код онлайн трансляции защиты: <https://vc1.vak.kg/b/102-tnx-0sb-9mu>

С диссертацией можно ознакомиться в научных библиотеках Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына (720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547) и Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева (720044, г. Бишкек, проспект Ч.Айтматова, 27).

Автореферат разослан 31 декабря 2022 года.

Учёный секретарь диссертационного совета, к.ф.н., доцент

Каратаева С. К.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационной работы. Отрицая существование древней письменности кыргызского народа, в связи с идеологическим направлением, выбранным советской властью в XX веке, и в силу других причин, мы долгое время находились в плену ошибочного взгляда, что у кыргызов не было своей письменности и литературного языка. Сегодня мы знаем, что высказывание спорных мнений по этому вопросу само по себе неуместно и безграмотно. Потому что кыргызский народ, будучи древним народом, в процессе своего культурно-исторического развития, формирования как нации, подобно всем тюркским народам, использовал несколько видов письменности. Самая первая из них – орхоно-енисейская письменность, которой кыргызы пользовались в V-IX веках. После неё кыргызы в IX-X веках использовали и древнеуйгурское письмо. Эта письменность вышла из употребления с распространением в Средней Азии религии ислама. Но до первой четверти XX века мусульманские тюрские народы, проживавшие в регионе Средней Азии и Казахстана, пользовались арабским алфавитом, построенным по орфографическим нормам арабского и персидского языков. Как отмечает академик Б. М. Юнусалиев, письмо это претерпело большое влияние литературного чагатайского языка. Примером этого могут служить тексты писем Атаке баатыра, Акымбека Олжобай бия и Мамбета Уметова, а также Байтика Канаева [Кыргыздар, 1985: 501.]. То, что подобное явление было характерно для деловых бумаг, рукописей грамотных людей среди кыргызов, особенно до революции, отмечается в трудах целого ряда ученых-лингвистов, изучавших кыргызский язык XIX-XX веков. К примеру, академик К.К. Юдахин (1940), В.М. Плоских (1968), К. Дыйканов, С.К. Кудайбергенов и Ю. Яншансин (1958) также высказывали мнение, что до революции кыргызы, подобно многим другим тюркским народам Средней Азии, для своих немногочисленных деловых бумаг и генеалогий использовали арабский алфавит и писали на так называемом староузбекском (чагатайском) языке [Юдахин, 1940: 6; Плоских, 1968: 75.]. Эти исторические данные подтверждаются и мнением современных ученых К. Молдокасымова и Т. Чоротегина. Так, К. Молдокасымов говорит: «Труд кыргызского историка Зиябидина Магзуни «История ферганских ханов», найденный в одной из библиотек города Стамбула и состоявший из 1666 страниц, написан чагатайским письмом на кыргызском языке». А. Т. Чоротегин говорит: «Наши братья-узбеки, готовящие словарь А. Навои, Бабура, для понимания значения некоторых терминов пользовались «Кыргызско-русским словарем» К. К. Юдахина. [радио «Азаттык». 27.01.15. 13:46]. Такие исследованные материалы подтверждают, что чагатайское письмо использовалось в качестве государственного в тюрском каганате. Его в своей истории использовали и кыргызы с XVIII века до 20-х годов XX века.

Отсюда в своей диссертационной работе мы сочли целесообразным отдельно рассмотреть чагатайское письмо в качестве четвертого типа письменности, который, подобно многим тюркским народам, в соответствии с требованием времени, использовали в своей истории и кыргызы.

В этом направлении в трудах русских и зарубежных тюркологов: Н. Ильминского (1865), А. Н. Самойловича (1928), С. Е. Малова (1947), А. М. Щербака (1962), А. К. Боровкова (1953), Э. И. Фазылова (1966), Г. Ф. Благовой (1972), Э. Р. Тенишева (1979), Э. Н. Наджиба (1989), Г. Абдурахмонова (1973), Ш. Шукурова (1973), Н. Вамбери (1867), Я. Екманна (1988), К. Eraslan (1986), Л. З. Будагова (1869) и других в связи с вопросом языка и литературы в чагатайскую эпоху были исследованы и изданы с языковыми комментариями тексты и переводы целого ряда письменных памятников. Тем не менее, в кыргызском языкознании, хотя и высказывались отдельные мнения, но по сегодняшний день практически отсутствуют исследования по характеру чагатайской письменности и по трудам, написанным в ту (чагатайскую) эпоху. Можно назвать ряд причин, приведших к этому, а именно: во-первых, рост национального самосознания тюркоязычных народов Средней Азии и постепенная потеря активно использовавшимся в XV-XIX веках чагатайским языком своего значения как общего литературного языка, во-вторых, давление советской идеологии, утверждавшей, что до Великой Октябрьской революции у кыргызов не было своей письменности, односторонний подход к этому вопросу, репрессия в отношении лучших кыргызских ученых, неопределенность вопроса о месте письменности в жизни кыргызов, её значении и роли, а также влияние усилий по её искоренению, в-третьих, невозможность изучения чагатайского письма ввиду отсутствия специалистов, способных прочесть исторические письменные памятники.

Письменные памятники являются, без сомнения, ценным источником, ясно показывающим состояние языка в каждую историческую эпоху. Без них невозможно полноценно раскрыть историю языка. Однако в кыргызском языкознании до сих пор не уделяется должного внимания важным вопросам, касающимся сбора письменных памятников и изучения чагатайской письменности.

В этом отношении, в целях уточнения истории языка, региональный язык, который кыргызы использовали до Октябрьской революции, особенно – язык рукописей таких поэтов XIX века, как Молдо Нияз, вопросы их близости, родственности чагатайскому языку должны непременно стать объектом специального изучения. Дело в том, что древние письменные памятники дадут возможность внести ясность во многие исторические материалы по письменному чагатайскому языку. Поэтому проведение подобных исследований произведений Молдо Нияза является одним из **актуальных вопросов** кыргызского языкознания.

Связь темы диссертации с основными направлениями научно-исследовательской работы. Диссертационная работа включена в тематический план научно-исследовательских работ кафедры кыргызского языка и литературы Таласского государственного университета.

Основная цель и задачи исследования. Исследование ставит целью путем анализа характерных особенностей чагатайского языка, использовавшегося в среде кыргызов в XIX веке и вплоть до 20-х годов XX века, провести всестороннее изучение фонетических, лексико-грамматических элементов чагатайского языка, встречающихся в таком произведении родоначальника кыргызской письменной литературы Молдо Нияза, как «Санат дигарасттар».

Для реализации названной цели были поставлены следующие задачи:

1. Дать общую информацию о чагатайском языке, использовавшемся кыргызами;
2. Сравнить фонетические, грамматические, лексические сходства чагатайского и кыргызского языков;
3. Выявить и показать лингвистические элементы в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар», характерные для кыргызского литературного языка;
4. Выделить и показать местные языковые особенности в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар»;
5. Изучить на основе конкретных фактических материалов фонетические, лексико-грамматические элементы чагатайского письма, встречающиеся в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар»;
6. Выявление причин возникновения и формирования элементов чагатайского языка, взятых для исследования в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар»;
7. Собрать материалы, демонстрирующие языковые особенности произведения Молдо Нияза «Санат дигарасттар» и представить их научной общественности.

Научная новизна исследования. Впервые проводится комплексное сравнение элементов чагатайского языка, встречающихся в произведении «Санат дигарасттар» Молдо Нияза, стоявшего во главе тех, кто развивал письменную форму кыргызского литературного языка XIX века, а обнаруженные и выявленные в них фонетические, грамматические, лексические сходства предлагаются научному сообществу. Полученные в ходе исследования результаты, научные выводы и собранные материалы являются богатым, очень ценным научно-теоретическим и практическим материалом для всестороннего исследования истории кыргызского языка. В работе впервые в кыргызском языкознании исследованы требующие комплексного изучения концептуальные вопросы:

– проведен анализ состояния изученности истории исследования научно-теоретических вопросов, связанных с чагатайским языком, в языкознании в

целом, в тюркологии и кыргызской лингвистике, выявлены и показаны основные научно-теоретические вопросы, принципы и критерии;

- на основе написанных ранее трудов известных тюркологов и путем применения сравнительно-исторического метода предприняты попытки исследования чагатайского письма в сопоставлении с современным кыргызским языком;

- на научной основе выявлено, что, подобно большинству тюркских народов в Средней Азии, кыргызы до революции (1917-г) в деловых бумагах, письмах, рукописях художественных произведений использовали в качестве письменного языка несколько видоизмененный чагатайский язык;

- приведены исторические сведения о жизни и творческом пути Молдо Нияза, внесшего в XIX веке своими произведениями большой вклад в зарождение кыргызского письменного литературного языка, отмечено значение его трудов для становления кыргызского литературного языка;

- на основе фактических языковых материалов «Санат дигарасттар» Молдо Нияза выявлены сходства, характерные для современного литературного кыргызского языка;

- исследованы языковые особенности в «Санат дигарасттар» Молдо Нияза, характерные для юго-западного диалекта кыргызского языка;

- показаны причины, обусловившие языковые особенности произведения Молдо Нияза «Санат дигарасттар», предпринята попытка проведения их научного анализа;

- определены причины трудностей, возникших при чтении рукописей Молдо Нияза, написанных чагатайским письмом с использованием арабского алфавита;

- проведено на основе исторической родственности сравнение языка «Санат дигарасттар» с чагатайским языком, при этом широко использованы материалы из памятников древней письменности и различных научных источников;

- выявлены причины появления фонетических, грамматических, лексических элементов чагатайского языка, встречающихся в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар»;

- посредством языка произведения Молдо Нияза «Санат дигарасттар» показано, что в XIX веке кыргызы писали, опираясь на нормы чагатайского литературного языка;

- отмечено, что чагатайское письмо является общим литературным наследием всех народов Средней Азии.

Теоретическое и практическое значение исследования. Диссертационные материалы могут быть широко использованы при проведении для студентов высших учебных заведений основных и выборочных курсов по «Истории кыргызского языка», «Диалектологии кыргызского языка», «Языковым особенностям произведений Молдо Нияза», «Жизни и творческому

пути Молдо Нияза», «Элементам чагатайского языка в рукописях Молдо Нияза», материалы исследования могут также стать ценным научно-теоретическим источником при составлении исторического, сравнительного и этимологического словарей кыргызского языка. Также результаты, выводы и заключения, фактические материалы исследования пригодятся для широкого применения такими научными направлениями, как история, этнография, фольклористика. Все это отчетливо показывает теоретическую и практическую ценность исследования.

Основные положения, которые выносятся на защиту:

1. Содержание, художественно-эстетическая направленность, лексическая, стилистическая структура и особенности художественного отражения религиозных вопросов произведения Молдо Нияза «Санат дигарасттар» реалистично отражают лингвистическую действительность кыргызского письменного литературного языка XIX века.

2. Чагатайский письменный язык – общий литературный язык с диалектными различиями XV-XIX века используемый в качестве письменного литературного языка рядом тюркоязычных народов Средней Азии исламского вероисповедания.

3. Чагатайский язык, который до Великой Октябрьской революции в грамотных кругах многих тюркоязычных народов служил в качестве литературного языка, если брать во внимание отдельные его фонетические, лексические и грамматические особенности, на 75-80 % близок к современному литературному кыргызскому языку. Подобная близость характерна для всех тюркских языков, возникла в древности, сохранялась в средние века и дошла до времени чагатайского языка.

4. В XIX веке грамотные представители кыргызского народа пользовались арабским алфавитом и писали по нормам чагатайского письменного литературного языка, о чем наглядно свидетельствуют лингвистические факты и материалы, обнаруженные в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар».

5. Выявление общих черт и особенностей чагатайского языка и кыргызского литературного языка в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» может внести большой вклад в тенденции становления, изменения, развития кыргызского письменного литературного языка и полноценное, комплексное познание научно-теоретических вопросов чагатайской письменности, которая использовалась в прошлом.

6. Стихи великого представителя кыргызской письменной литературы Молдо Нияза, жившего в XIX веке, прекрасно владевшего арабским, фарси и старотурецким языками являются не только художественным шедевром в области литературы, но и уникальным языковым памятником.

Личный вклад соискателя. Исследователем впервые в кыргызском языкознании собран богатый языковой материал, встречающимся в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» элементам чагатайского языка,

а также относящийся к данному вопросу научно-теоретический материал. Эти материалы были исследованы о позиции лингвистики диссертантом, объяснены на основе соответствующих научно-теоретических заключений, а также критически оценены основы научно-теоретических взглядов учёных относительно чагатайского языка. Кроме того, личным вкладом исследователя являются определение цели и задач работы, обзор научной литературы, сбор, анализ и описание собранного фактического материала, полученный в ходе исследования результаты, выдвинутые для защиты теоретические положения и общие выводы работы.

Апробация работы. По общему содержанию и основным результатам работы с 2012 года были сделаны доклады и опубликованы материалы на следующих научных форумах: научно-практическая конференция, посвященная 80-летию КНУ имени Ж. Баласагына, научно-практическая конференция, посвященная 70-летию М. Д. Тагаева (КРСУ), международная научно-практическая конференция «Современное единство поликультурных языков и разнообразие языков» (ИСИТО), «V интернациональный научный симпозиум тюркского мира» (КЖУ, Алматы), «Международный симпозиум кыргызской культуры, истории, литературы имени Ч. Айтматова» (Анталия, Турции), научный симпозиум тюркских языков в университете Анкары и ежегодные международные, республиканские научно-практические конференции, проводимые в Таласском государственном университете.

Был проведен спецкурс «Язык произведений Молдо Нияза» в качестве факультативного курса для студентов ТалГУ, обучающихся по специальности «Кыргызский язык и литература» и были всесторонне апробированы материалы исследования.

Отражение результатов исследования в научных изданиях. По результатам исследования согласно требованиям Национальной аттестационной комиссии Кыргызской Республики были изданы 22 статьи, в том числе 9 статей в изданиях, входящих в индексируемую систему (РИНЦ) за пределами Кыргызской Республики.

Структура и объем работы. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, кратких выводов к каждой из них, общего заключения, списка использованной литературы и приложения. Общий объем работы – 350 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении даётся информация об актуальности темы, цели и задачах, объекте, предмете исследования, использованных приёмах и методах, научной новизне, практическом значении работы, выдвигаемых на защиту положениях, апробации, научно-теоретических основах работы и личном вкладе исследователя.

I глава называется «Общие черты чагатайского языка и кыргызского языка», в которой исследуются опубликованные в тюркологии научно-

теоретические и практические вопросы чагатайского письма. Фонетические, лексические и грамматические элементы чагатайского языка сравниваются с литературным кыргызским языком и его говорами, выявлены имеющиеся между ними сходства. То, что языковые средства чагатайского языка, отличающиеся от литературного кыргызского языка, образуют единство с говором ичкилик кыргызского языка, доказывается на примерах произведения представителя этого языка Молдо Нияза «Санат дигарасттар».

1.1. Чагатайский язык и его исследование. Опираясь на труды целого ряда ученых, таких как В. В. Радлов (1882), Н. Ильминский (1865), А. Н. Самойлович (1928), С. Е. Малов (1947), А. М. Щербак (1962), А. К. Боровков (1953), Э. И. Фазылов (1966), Г. Ф. Благоев (1972), Э. Р. Тенишев (1979), Э. Н. Наджип (1989), Г. Абдурахмонов (1973), Ш. Шукуров (1973), Н. Вамбери (1867), Я. Екман (1988), К. Eraslan (1986), Л. З. Будагов (1869), И. Кунош (1902), Фуад Копрулу (1945), в течении многих лет проводивших исследования по чагатайскому языку, мы в свою очередь исследовали такие вопросы, как возникновение чагатайского языка, территория, место, время его распространения, сроки формирования, развития, функционирования, использование в качестве термина в научных трудах и его лингвистические и экстралингвистические особенности. То, что чагатайским письмом в качестве литературного в XV-XIX веках одновременно пользовался целый ряд тюркоязычных народов, имеющих свои языковые и диалектные особенности, показывает, что оно является их общим литературно-языковым наследием. А на основе произведений таких известных поэтов тюркоязычных народов, как Секкаки, Лүтфи, Юсуф Эмири, Атаи, Хайдар Харезми, Сейид Ахмет Мирза, Гедая, Якыни, Ахмеди, Алишер Навои, Хусейин Байкара, Хамиди, Мухаммед Салих, Шейбани, Убейди и Бабур, в свое время внесших огромный вклад в развитие и расцвет литературного чагатайского языка, были определены этапы его развития. Среди них особой классической формой во второй половине XV века обладали произведения А. Навои, который сыграл большую роль в развитии чагатайской литературы и создал на нём множество стихотворений. Сегодня экземпляры рукописей таких великих людей, написанные до XX века на литературном чагатайском языке, хранятся в архивах каждого родственного тюркского народа. Подобные рукописи могут послужить источником изучения кыргызского языка, литературы, культуры, истории.

1.2. Общие черты в системе гласных. Были выявлены такие сходства кыргызского и чагатайского языков, как 9 гласных фонем: [a], [e], [ə], [ɪ], [i], [o], [ö], [u], [ü] и губные дифтонги: ow, ew, uw, üw (*ачуwsу, саkow, музow, жалkow, алtow, кичүw, тирүw* и т.д.), составляющие основу кыргызских диалектов, характерные и для чагатайского языка (*devr* – доор, *birev* – бирөө, *ikev* – экөө), артикуляционное положение, акустические свойства его гласных звуков, классификация гласных в зависимости от участия языка, челюстей, губ по трем основным принципам, сохранение закона сингармонизма (*əhengige, bībəklik,*

kilkige, nəvekingge, səliklerge, terkige, almaqlıq; yüz-ünğ – жүзүң (твой лик), *kör-düm* – көрдүм (я видел), *öl-üg* – өлүк (мертвый), *tök-ül* – төгүлүү (литься), *öl-üm* – өлүм (смерть), *kök-ümtül* – көгүш (синеватый), *tüt-ün* – түтүн (дым), *kör-ün* – көрүн (покажись), *kork-unç* – коркуу (бояться), *yol-uk* – жолугуу, кезигүү (встречаться), *kuç-uş* – кучакташуу (обниматься), *öt-üz* – өткөрүү (проводить), нарушение этого закона в словах, заимствованных из арабского и персидского языков *cism-ımğa* – көөдөнүңө (его груди), *dîn-ğa* – динге (религии), *firib-ıga* – алдаткандай (словно обмануться), *ism-ğa* – ысымга (имени), *kîn-ğa* – кекке (злобе) [Eraslan, 1986: 96]. Однако слова, заимствованные из арабского и персидского языков, встречаются чаще в говорах ичкилик юго-западного диалекта, нежели на севере, в литературном кыргызском языке. В результате, на примерах из произведения представителя этого говора Молдо Нияза «Санат дигарасттар», было доказано, что в названном говоре широко встречается нарушение гармонии гласных в произношении. Например: *ماحماردا* – *махимарда*, *ماچيت* – *мачит*, *ناديرنيك* – *надириң*, *نازير* – *назир*, *نايپ* – *наип*, *پاپيك* – *папик*, *پارايزخان* – *параизхан*, *پاراشتا* – *паришта*, *سارداريني* – *сардарини*, *ساتتارليك* – *саттарлик*, *سافي* – *сафи*, *ساحب* – *сахиб*, *راحم* – *рахим*, *راس* – *раис*, *سابيل* – *сабил*, *سايلغاق* – *саилгак*, – *سايل* *саил*, *تابيب* – *табиб*, *فاقيم* – *факим*, *فايزي* – *файзи*, *فارايزخان* – *фараизхан* ж.б. [Молдо Нияз, 1993: 175].

Было обнаружено, что если одной из основных причин подобных сходств между говорами кыргызского языка и составляющим с ними единство чагатайском языке являются звуковые особенности арабского языка, то вторая причина этого заключается в книжной лексике, возникшей под влиянием арабского и персидского языков через чагатайское письмо.

1.3. В третьем разделе под названием «Общие черты в системе согласных». было выявлено, что позиционное место согласных звуков чагатайского языка, сходство системы их сочетаемости, их парность, созвучность, подверженность геминии при произношении в составе слова те же самые, что и в древнем и современном литературном кыргызском языке и его говорах. Иначе говоря, хотя согласные звуки, обладающие в чагатайском языке фонематическими свойствами: [b], [v], [g], [ğ], [y], [d], [c], [j], [z], [k], [ç], [l], [m], [n], [nğ (ң)], [p], [r], [s], [t], [ç], [ş], [ó (x)], [h], [f] в той или иной мере качественно и количественно и отличаются, однако в них преобладают признаки, общие с кыргызским языком. Различия здесь наблюдаются только в одинаковом использовании звуков, заимствованных вместе со словами, вошедшими из других языков: [ó (x)], [h], [f] и [k], [q], [g], [ğ], [c], [j]. И все же они не сильно отличаются от современных кыргызских говоров, в особенности – от говора ичкилик. К примеру: 1. Звук [h] в чагатайском языке не выпадает при произношении в начале слов, пришедших из иранского и арабского языков: *har* (осёл, каждый), *hürk* (пугаться), *heb* (общий), *hayıklamak* (разрывать, делить); *hay* *hiu* (кричать, орать); *hakalamak* (платить); *hakri* (знающий); *harun* (уставший) и др. [Eckmann, 1988: 96]. Эта особенность широко встречается и в произведении

представителя юго-западного говора Молдо Нияза «Санат дигарасттар» в словах, заимствованных из арабского языков: *حورماتداسان* – ар. хурматдасан (если уважаешь), *حلالا* – ар. халал (чистый), *حارام* – ар. харам (нечистый), *حاي* – ар. хайыр (милостыня), *حاكيكات* – ар. хакийкат (истина), *حاركانداي* – ар. харкандай (разный) [Молдо Нияз, 1993: 175].

2. Если звук [p] (по-кыргызски [п]) в древнетюрских языках сохранялся в середине слова, не подвергаясь комбинаторному изменению, то в материалах, собранных по чагатайскому языку, в некоторых случаях можно увидеть использование звука [f]: *ofra / ofran* [кашг. *opra*] (стареть), *tofrak / ğ* (кашг., хорез. *toprak*) (почва, земля), *yafraq/ğ* (уйг. *yapırğak, yalpırğak*, кашг. *yapurğak*, хорез. *yaprak*) (лист), *köfrüg / k* (*köprüg / k*) (мост), *tofuk* (коленная чашечка) [Eraslan, 1986: 96]. Подобная особенность встречается и в некоторых говорах кыргызского языка: *Чулфан* (Чолпон), *жаффраг* (лист), *арфа* (ячмень), *тоффраг* (почва) [Юнусалиев, 1985: 201].

3. Хотя в начале слова звук [ж] преобладает, однако параллельно используется и звук [й]. Н.: *cirik* (гнилой), *cirilmak* (лопнуть, разорваться), *cilim* (*çilim*) (кальян), *cimçik* (птичка), *cilcik* (мосол), *ciğan* (племянник), *yok* (нет), *yer* (земля), *yüz* (сто) и др. [Eraslan, 1986: 96]. Такие примеры можно найти и «Санат дигарасттар» Молдо Нияза: *ايالغانلى* – йалганли (ложный), *اياغلىغاني* – йагылгани (его ложь), *ايارانلار* – йаранлар (друзья), *اياراتدى* – йаратди (создал), *ايوقى* – йок (нет), *ايوقدور* – йокдур (нет ли), *اياقشسلار* – йакшылар (хорошие, добрые) [Молдо Нияз, 1993: 175.].

4. При использовании в чагатайском языке нескольких согласных подряд, так же, как и в южных говорах кыргызского языка, наблюдается наложение однородных согласных звуков. Н.: *ikki / iki* (два), *yetti / yəti* (семь), *səkkiz / səkiz* (восемь), *toqquz / toquz* (девять), *ottuz / otuz* (тридцать), *baqqa / baqa* (лягушка), *qattiq / qatıq* (громкий, твердый), *saqqal / saqal* (борода), *saqqız / saqız* (жвачка), *tekke / teke* (козел) [Eraslan, 1986: 96]. То, что подобные примеры активно используются в южных говорах кыргызского языка, можно увидеть в санатах Молдо Нияза: *مولو* – моло (мулла), *چىلى* – чилле (самое жаркое или холодное время), *تىل* – тилла (золотая монета), *قولو* – колло (поддержать), *ال* – алла (бог), *بىللات* – беиллат (чистый, здоровый), *ساراب* – сарраб (ущерб), *ايىار* – аййар (умелый, ловкий), *غايىار* – гаййар (бережный), *ساتارلىق* – саттарлик (сокрытие вины), *حاتتىق* – хаттык (твердый), *حام* – хамма (баары), *وموت* – үммөт (последователь), *موحاماد* – мухаммад (Мухаммад), *جانات* – жаннат (рай), *سونات* – суннат (обрезание), *جابار* – жаббар (сильный, могучий), *بيباب* – бейбаппа (неблагодарный), *غافار* – гаффар (прощающий), *ماق* – макка (Мекка), *سح* – сыххат (чистый) [Молдо Нияз, 1993: 175] и др.

5. Среднеязычные звуки [g/k] в чагатайском языке, так же, как и в литературном кыргызском языке, во всех случаях сочетается только с узкими гласными (e, ə, i, ö, ü): *kəç* (идти вброд), *kəşe* (вечер), *kəl* (приходить), *kəte* (лодка), *kəngeş* (совет) и т.д. Глубокозаднеязычный [ğ/q] (гы, кы) всегда

сочетается только с широкими гласными (а, 1, о, у): (байырк. түрк.) *bulğan* (пачкать), (кашк.) *bulğan* (пачкаться), *ouğan* (пробуждаться), (хarez. *qarınçqa*) *karınçğa* (муравей). [Eckmann, 1988: 96] и т. д.

Такие экстралингвистические факторы не могли не повлиять на язык устной и письменной литературы той эпохи. Это наблюдается и в словообразовании в собранных материалах по чагатайскому языку. К примеру, в 4-м разделе работы – «**Общие черты в словообразовательных аффиксах**» – были рассмотрены семантические и грамматические отличия большинства словообразовательных аффиксов названного языка. Следующее может быть примером таких аффиксов в чагатайском языке, составляющем единство с литературным языком кыргызским: 1) аффиксы -*duruq* /-*turuq*, образующие существительное от существительного: *saqalduruq* «часть узды, подшейный ремень, завязываемый, чтобы узда не спала с головы лошади»; *ağyǵdyryq* – железная деталь, вкладываемая в рот лошади при надевании узды; *boyunduruq* – деревянный хомут, надеваемый на шею вола; *qalganduruq* – ручка щита; 2) аффиксы, образующие абстрактные существительные: -*luk*: *meşgulluk* (известность); *qarılığ* (старость); *quruğluq* (сухость); *tiriglik* (живость); *toqluq* (сытость); *uyqusızlıq* (бессонность); *yaǵsılığ* (добро); 3) аффикс -*çı* обозначающий профессию: *atımçı* (стрелок); *başaqçı* (сборщик колосьев, зерна); *bitikçi* (писатель, писарь); *eşikçi* (привратник, стражник), *ekmekçi* (пекарь); *kemeçi* (корабельщик); *körüimçi* (астролог); *oqçı* (изготовитель стрел); *oraqçı* (жнец); 4) аффиксы -*ça/-çaq*, выражающее уменьшительное значение при присоединении к именным словам: *bilekçe* (локтевая косточка, наручная цепочка), *qalabaça* (маленький город, городок), *hə'irçe* (поэтишка); 5) аффиксы -*sız*, образующие прилагательные от существительных: *küçsiz* (бессильный), *meyvesiz* (бесплодный), *ruǵsız* (безжизненный, мертвый), *sansız* (бесчисленный), *susız* (безводный), *yüreksiz* (не имеющий духа, трусливый); 6) аффиксы -*mtul*, -*ımtul*, образующие уменьшительную степень прилагательных: *ağımtul* (беловатый), *kökümtül* (синеватый), *qaramtul* (черноватый), *qızımtul* (красноватый), *sarımtul* (желтоватый), *yağımtul* (зеленоватый); 7) аффиксы -*daş*, выражающие значение присоединения, объединения, равенства: *boydaş* – бойлош, бойлору тең (одного роста), *qarındaş* (сестра) (буквально: единоутробный), *sırdaş* (наперсник, поверенный в тайны); 8) аффиксы -*ǵı* / -*ki*, образующие наречия со значением места и времени в кыргызском и чагатайском языках: *evvelǵı* (древний), *bilturǵı* (прошлогодний), *burnaǵı* (прежний), *içreki* (внутренний), *keçeki* (вчерашний); 9) аффиксы -*a* / -*e* / -*i* / -*u* / -*ü*, -*ğa* / -*qa* / -*ge*, -*ğuc* / -*güç*, образующие прилагательные и существительных от глаголов: *qoşa* – кошо (совместный), *tola* (полный), *yara* (рассеча, расколов), *yaraşa* (соответственный), *yıǵ* (плач, слеза), *busu* (засада), *yumru* (круглый), *qısqa* (короткий), *yumurtqa* (яйцо) ж.б. [Eckmann, 1988: 96].

Основная причина того, что подавляющее большинство вышеуказанных словообразовательных морфем, выявленных в ходе исследования, сохранилось до сегодняшнего дня объясняется тем, что в сравнении с лексикой,

составляющей словарный запас языка, грамматические формы языка, составляющие его грамматическую структуру, долгое время остаются неизменными.

Эти факты доказываются на основе нескольких примеров в 5-м разделе работы, озаглавленном «Общие черты в части речи». Так, в чагатайском языке наблюдаются следующие характерные для кыргызского языка элементы, особенно в категориях существительных (падеж, принадлежность, лицо), глаголов (наклонение, залог, время), подразделении частей речи, их образовании и выражаемых ими значениях:

I. В чагатайском языке у основного падежа (кырг. атооч – именительный) нет отличительного показателя, он используется для называния (именования) людей и предметов: *mescid, arpa, aş, at, atağ, baldak, beşik, bilik, bōrk, kand, karta, tau* [Eckmann, 1988: 96]. В родительном падеже (илик) при сочетании со словом с притяжательным окончанием, указывает на принадлежность кому-то и изменяется путем присоединения аффикса -ning/-ning: *Tengri-ning* – Теңиринин (принадлежащий Тенгри), *su-ning* (воды), *Husrev-ning* (Хусрева), *quyas-ning* (дня), *quş-ning* (птицы) [Eraslan, 1986: 204.]. В дательном падеже (барыш), когда присоединятся личные окончания, используются аффиксы -ğa / -ge, а в поэтическом тексте – -a / -e, что напоминает юго-западный диалект кыргызского языка. Например, в санатах Молдо Нияза: *سانغا – саңга, سوزونغا – сөзүңга, ويوغو – үйүгө* [Молдо Нияз, 1993: 175]. Подобные примеры встречаются и в чагатайском языке: *ayağı-ğa* (к ногам), *éarab tili-ge* (на арабский язык, арабскому языку), *başım-ğa* (к голове), *boyuñ-ğa* (в рост, росту) и др. В остальных случаях обозначает направленность чего-то, кого-то, какого-либо действия на кого-то, что-то, в каком-то направлении, образуется с помощью аффиксов -ga/-ge, а после глухих согласных – -qa/-ke и ничем не отличается от литературного кыргызского языка: *su-ğa* (к воду), *kişi-ge* (к человеку), *arab-ğa* (к арабу). В объектном падеже (табыш) вместо встречающихся во многих тюркских языках аффиксов -ды /-ты в чагатайском языке используются аффиксы -ni / -ni: *baş-ni* (голову), *it-ni*: (собаку), *su-ni* (воду), *boğzum-ni* (горло). Использование в объектном падеже после личного окончания третьего лица аффикса -n вместо -ni / -ni: (*inisi-ni, oqi-ni, suyi-ni*) отличает чагатайский язык от литературного кыргызского языка, однако подобное явление активно используется в некоторых говорах южного диалекта кыргызского языка. К примеру, аффикс -ni/-ni в объектном падеже часто встречается в «Санат дигарасттар» Молдо Нияза: *قىزىنى – кызыны* (его дочь), *قاشىنى – кашыны* (её бровь), *جۇملانى – жумлани* (фразу), *ايرىنى – эрини* (её губы) [Молдо Нияз, 1993: 175]. В местном падеже (жатыш) аффиксу -нда в литературном кыргызском языке в чагатайском языке соответствует аффикс -da. Однако подобная краткая форма аффикса местного падежа чагатайского языка ничем не отличается от той же формы в юго-западных диалектах кыргызского языка. Например, в чагатайском языке: *teni-de* (в его теле), *yoli-da* (на его пути), *fenni-de* (в его науке), подобные формы в «Санат дигарасттар» Молдо Нияза: *سايدا*

– сайыда (в ее русле), *پایدا* – пайида (в его сухожилии), *مالایدا* – малайда (у его слуги), *الایدا* – Алайда (на Алае), *یامولجازادا* – йомулжазада (в судные день) [Молдо Нияз, 1993: 175.]. В исходном падеже (чыгыш) аффиксу -нан в литературном кыргызском языке соответствует аффикс -dan в чагатайском языке. Н.: *meudānedin* (из пивной), *herî-din* (из Херата), *yār-din* (с обрыва), *at-din* (с коня), *ot-tin* (из огня), *susalik-tin* (из-за обезвоживания), *qudreti-den* (из сил) и др. [Eraslan, 1986: 204.]. Однако чагатайский язык использует в начале аффикса звук [д] вместо звука [н] в говорах ичкилик кыргызского языка. Н.: *قیریدان* – кырыдан (с его края), *قولودان* – колудан (из его руки), *نورودان* – нурудан (с его света), – *اوزودون* өзүдөн (от самого), *اوزودان* – оозудан (из его уст), *براوودن* – бирөвдин (его одного) [Молдо Нияз, 1993: 175.].

Конечно же, приведя выше в качестве примера факты, характерные для падежей в чагатайском языке, мы далеки от того, чтобы высказать мысль о том, что в исследованных объектах нет никакой разницы в отношении падежей. Иначе говоря, они хотя и не отличаются по смыслу, однако есть различия по количеству. Так, в опубликованных ранее исследованиях нет единого мнения о том, сколько падежей есть в чагатайском языке. Например, А. М. Щербак отмечает, что в чагатайском языке наличествует 7 падежей (он добавляет предельный падеж) [Щербак, 1962:100], немецкий тюрколог Экманн говорит о том, что слова в названном языке изменяются по 9 падежам [Eckmann, 1988: 40]. В чагатайском языке помимо названных выше шести падежей были также вышедшие ныне из употребления древние «уравнительный», «инструментальный» и направительный падежи [Орузбаева, 1958: 59]. Уравнительный падеж образовывался с помощью аффиксов -*ça* / -*çe* (*tofrağ-ça* (как глина), *it-çe* (подобно собаке) и встречается в поэтических текстах после притяжательного аффикса третьего лица, особенно в форме. Н.: *barı-nça* (как наличествующий), *qılça belinğ* (стан как струна); *eşikinğde itçe hem bolmadı bizge i'tibār* (у твоих дверей нас не почтили даже как собак) и др. Инструментальный (или орудийный) падеж образуется с помощью аффиксов -n, -ın / -in Н.: *barçaların qaçtı* (все убежали); *boldı bu sözün barısın şadmān* (был доволен всеми этими словами). Направительный падеж в чагатайской языке образуется при помощи аффиксов -ra / -re, -ğ / -qarı / g / -keri: *ilgeri* (дальше), *taşra* (вне), *yoqqarı* / *yoqarı* (выше) [Eckmann, 1988: 96]. Этот аффикс -ra является одним из вариантов аффикса, встречающегося в таких словах древнетюркского языка, как *асра* (вперед, находящийся впереди), *үсрө* (наверх, находящийся наверху, и выражающего направление). Но, опираясь на имеющиеся материалы, мы считаем, что необходимо осторожно подходить к мысли о том, что в чагатайском языке наличествует девять падежей. Потому что, в соответствии с природой категории падежа, все слова, относящиеся к существительным, должны склоняться в том или ином виде падежа. При этом не все существительные, помимо сходных с кыргызским языком шести падежей, склоняются по отмеченным немецким ученым Я. Екманном и названным им «уравнительным»,

«инструментальным» и «направительным» падежам. Поэтому относиться к мыслям об этих «уравнительном», «инструментальном» и «направительном» падежах надо осторожно.

II. В чагатайском языке, признак числа обозначает один или более предмет и категория множественности, так же, как в современном кыргызском языке, образуется с помощью аффикса -лар: *atalar* (отцы), *quşlar* (птицы), *refiqler* (друзья) и т. д. [Eckmann, 1988: 96].

III. Точно так же в чагатайском и кыргызском языках сходства наблюдаются и в категории принадлежности: *ata-m* (мой отец), *uyqu-m* (мой сон), *ata-nğ* (твой отец), *uyqu-nğ* (твой сон), *ata-sı* (его отец), *uyqu-sı* (его сон), *ata-mız* (наш отец), *boy-umız* (наш рост), *ata-nğız* (Ваш отец), *çerigi-nğız* (ваш стан), *alarnıñ ata-sı* (их отец) ж.б. [Eckmann, 1988: 96].

IV. Прилагательные чагатайского языка отличаются от кыргызского языка разве что некоторым звуковым составом, тогда как их употребление, значения, грамматические особенности, способы образования и степени в общем сходны с современным литературным кыргызским языком и его говорами. Например: чаг.я. *açıq* // кырг. я. *ачык* (открытый); чаг.я. *aq* // кырг. я. *ак* (белый); чаг.я. *çuqır* // кырг. я. *чукур* (углубленный); чаг. я. *qara* // кырг. я. *кара* (черный). [Eckmann, 1988: 96.].

V. Подобная общность с литературным кыргызским языком и его говорами наблюдается и в том, что числительные в чагатайском языке по своим морфологическим особенностям подразделяются на количественные, порядковые, разделительные (дробные), собирательные: *bir, üç, dört, beş, altı, on, qırk, seksen, birinçi, ikinçi* // *ikkinçi, üçünçü, dörtünçü, beşinçi, altınçı, birev, ikev* ж.б. [Eckmann, 1988: 96].

VI. В отношении употребления местоимений в чагатайском языке личные местоимения в форме I, II лица *mên, sên* (biz, siz) ничем не отличаются от литературного кыргызского языка. Личные местоимения третьего лица встречаются в единственном лице в форме *ol*, а во множественном числе – иногда в форме *olar*. Личные окончания, используемые в первом, втором и третьем лице, в родительном и дательном падежах имеют особую форму, их склонение сходно со склонением в южных говорах кыргызского языка: *سانا تارتىپ قوربانجان سانكا قىين يش بولدۇ* – *Санаа тартып Курбанжан, Саңа кыйын иш болду* – *Сильно печалилась Курбанжан, Трудно тебе пришлось* [Молдо Нияз, 1993: 102.].

VII. Такое же сходство можно обнаружить и в глагольных словах. Так, в значениях глагольных слов в чагатайском языке, выполняемых ими функциях и грамматических категориях не наблюдается больших различий с кыргызским языком. Точнее говоря, не наблюдается отличий в том, как у глагола в чагатайском языке категория времени подразделяется на прошедшее, настоящее, будущее время, наклонения – на повелительно-желательное (-алы, -айлы// -айлык: *olturalı* (сядем-ка); *içeli* (выпьем-ка), желательное (-ğay /-gey: *Semerqandni*

tiðäāara qılğay biz «Взять бы нам Самарканд в окружение»), условное (*-sa: əsəyiş tilesenğ 'əlem aliğa hemdem bolma* (если хочешь мира, не дружи с богатством), изъявительное).

VIII. В чагатайском языке настоящее-будущее время образовывается путём присоединения к деепричастной форме глагола на *-a // -e // -й* личных окончаний. Например: *иште-й-м, иште-й-сиң, иште-й-сиз, иште-й-т; иште-й-биз, иште-й-си-ң-ер, иште-й-сиз-дер, иште-ш-е-т* – буду/будешь/будете/будет/будем/будете/будут *работать*. Однако, как отмечается, в такой конструкции в отдельных говорах кыргызского языка, чаще всего в говорах юго-западного диалекта, наряду и вместе аффикса *-т*, образующим форму единственного числа третьего лица, используется и аффикс *-дыр* (*калат – каладыр (останется)*). Использование аффикса *-дыр* вместо аффикса *-т* в такой же форме часто встречается и в памятниках фольклора (*Коңурбай уулу азадыр, Кооптуу уулу ошодур. – Освободится сын Конурбая, Опасен этот его сын*. С. Орозбаков «Манас») [Юнусалиев, 1985:194]. Если смотреть с этой стороны, говоры кыргызского языка образуют общность с чагатайским языком. Например, в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» вариант аффикса *-т*, характерный для кыргызского языка, употребляется наряду с вариантом *-дур*, сходным с чагатайским языком. Мисалы: *حوشوم يوقدور يالغانغا* – *Хушум йокдур йалганга* – У меня нет тяги ко лжи и т. д. [Молдо Нияз, 1993: 77].

IX. Особые формы глагола, выполняемые ими функции и грамматические признаки в чагатайском языке подразделяются на деепричастия, причастия и имена действия. Так, если в деепричастиях используются аффиксы *-a/ -e, -й, -ын, -ганча // -гыча // -ганы // -галы // -майын (ча) // -мейин (че)* (*yandura bér* «рассучивать, разжигать»), то по своим признакам причастия, подобно прилагательным, обозначают свойства предметов и выполняют функцию определения (*yèti yaşar oğlu bar érdi* «есть у него сын семи лет»; *körüşür yér* «место встречи»), а имена действия так же, как в кыргызском языке, называют действие и обозначают процесс действия. Можно заметить, что в чагатайском языке чаще всего используется аффикс *-тек*, а после него присоединяются окончания множественного числа, принадлежности и лица, падежа (*her uıglamaqning külmeki bar* «за каждым плачем следует смех»).

X. Так же, как и в других тюркских языках, в чагатайском языке нет специальных аффиксов, образующих наречия. Они образуются от других частей речи лексическим, морфологическим и синтаксическим способами. В качестве пример этого можно привести несколько наречий места и времени: *anğ(ң)aça* (до этого), *anda* (у него, там), *andın* (оттуда, от него), *tunda* (здесь), *tundın* (отсюда), *béri* (сюда) *béridin* (отсюда), *narı béri* (уйг. *Inarı/ inğarı*) (туда-сюда) ж.б. [Eckmann, 1988: 96].

XI. В материалах, собранных по чагатайскому языку, можно заметить, что этот язык богат на служебные слова. В нем встречается несколько служебных

слов, используемых в литературном кыргызском языке и южных говорах кыргызского языка: *sayı, ki, dağı, hem, burun, üçün, -çi(чейин)* и др. Некоторые из них связывают однородные члены предложения, тогда как другие соединяют предложение с предложением и используются в значении усиления, уяснения, уточнения предшествующих слов. Например: *körgeñ sayı óayıñmı menı yad eyle* (как видишь мое письмо, вспоминай меня); *emdi hem bolsa tevaqqu' ol turur* (теперь, что бы ни было, надежда наша в нем); *seni sevgen üçün* (потому что любит тебя); *alar yetkendiñ burun* «до того, как они добрались» ж.б. [Eraslan, 1986: 204].

В 6-м разделе названным «**Лексические сходства кыргызского с чагатайским языком**» в сравнении с лексикой литературного кыргызского языка исследованы примеры из словаря «*Çagataj-Osmanisches Wörterbuch*», изданного в 1902 году в Будапеште венгерским востоковедом, фольклористом И. Куношем. При сравнении имеющихся в названном словаре чагатайских слов с соответствующими словами из словарного запаса кыргызского языка было выявлено и отмечено, что между этими языками есть множество лексические сходств, основу которых составляют предметные, определительные, глагольные понятия, а также слова, связанные с родством, домашним бытом, пищей, одеждой, названиями местности, старым общественным строем. Слова эти были распределены на следующие тематические группы: а) связанные с предметными понятиями: *ay* (луна), *ayım* (госпожа), *aygır* (жеребец), *akak* (самоцвет), *arpa* (ячмень), *at* (лошадь); б) с прилагательными: *erke* (избалованный), *kıska* (короткий), *kızıl* (красный), *kıyın* (трудный), *kök* (синий), *mol* (обильный), *sak* (осторожный), *sarı* (желтый); в) с глаголами: *aç* (открывать), *çek* (запрягать), *çiq* (выходить), *iç* (пить), *kêç* (идти вброд); г) связанные с одеждой: *çapan* (халат), *çekmen* (чапан), *çaçrapık*, (кисти из ниток), *iştan/iştun* (пantalоны), *güynak* (рубаха, платье), *itük* (сапог), *bilbağ* (кушак); д) связанными с названиями местности: *Aksu (ağ su)*, *Ak tepe*, *Ak saray*, *Ak mescid*, *Aral tingizi*, *Beşarık andız (aңыз)*; ж) связанные с родством: *ata*, *baba*, *ake (eke)*, *ağa*, *balduz* – отец, пращур, дядя, старший брат, свояченица; з) связанные с предметами обихода: *ay baltu/ay balta (секира)*, *aşlıg* (злак), *bilik*, *balto* (топор), *beyrak* (стяг), *yargıcak* (жернов); й) связанные с пищей: *göçe aşı* (взвар из пшена), *botka // botaka* (каша), *kavudak* (жаренное мясо), *aş* (плов, пища), *ayran* (айран), *kaymak* (сметана), *boğursak* (баурсак); к) связанные со старым общественным устройством: *atalık // atalıg*, *işik ağası* и т. д. [Кунош, 1902: 275.].

Из обнаруженных в чагатайском языке и отмеченных выше примеров из тюркских языков стало очевидным, что в названном языке больше всего используются древняя форма и семантика некоторых слов именно кыргызского языка. Иначе говоря, при внимательном рассмотрении 5523 слов, вошедших в «Краткий словарь чагатайского, кыргызского и османского языков», составленный диссертантом на основе словаря И. Куноша «*Çagataj-Osmanisches Wörterbuch*», было уточнено и показано, что на 70–80 процентов это слова из древнего и современного кыргызского языка. Подобная близость языков берет

начало в древности, сохранялась в средние века и дошла до времени чагатайского языка. Подобное положение доказывает истинность мнений о том, что кыргызский язык входит в число древних языков и что истоки тюркских языков тесно связаны с кыргызским языком.

Выводы по первой главе. Если обобщить все сказанное по первой главе, то сами факты, взятые для исследования, показывают, что среди тюркских языков древняя форма и семантика некоторых фонетических и лексико-грамматических элементов именно кыргызского языка больше всего использовалась в чагатайском языке. Подобное положение доказывает истинность мнений о том, что кыргызский язык входит в число древних языков и что истоки тюркских языков тесно связаны с кыргызским языком.

Исследования, проводимые в этом направлении, способствуют всестороннему познанию реальных связей между прошлым и настоящим языка и культуры кыргызского народа, сохранению и восстановлению их уникальных, неповторимых признаков.

Во второй главе работы «Материалы и методы исследования произведения Молдо Нияза «Санат дигарасттар»» в первую очередь были представлены материалы и методы исследования произведения поэта «Санат дигарасттар».

В ней исследуются общие фонетические и лексико-грамматические признаки, характерные для современного литературного кыргызского языка, встречающиеся в «Санат дигарасттар».

2.1. Основные материалы и методы исследования. В качестве материала исследования были выбраны общие черты, характерные для кыргызского литературного языка, языковые особенности, характерные для юго-западного диалекта кыргызского языка, а также фонетические, грамматические, лексические элементы литературного чагатайского языка, встречающиеся в произведении внесшего в XIX веке своим творчеством большой вклад в зарождение письменного литературного кыргызского языка Молдо Нияза «Санат дигарасттар». Они были выявлены на основе богатого языкового материала, имеющегося в санатах Молдо Нияза. Иначе говоря, то, что языковые средства и факты общей и особой структуры в «Санат дигарасттар» Молдо Нияза были взяты в качестве основного материала исследования, может быть указано в качестве главного научного аргумента данного исследования. В целях выявления имеющейся в произведении лексики чагатайского языка примеры из словаря, выпущенного в 1902 году в Будапеште венгерским востоковедом, фольклористом И. Куношем, где чагатайский язык, использовавшийся тюркоязычными народами в XV–XIX веках, был переведен на османский и немецкий языки, были сравнены с литературным кыргызским языком, а для раскрытия их значения были широко использованы «Кыргызско-русский словарь» К.К. Юдахина (1985), «Узбекско-русский словарь», изданный в 1941 и 1959 годах, «Краткий таджикско-русский словарь», составленный Я.И. Калонтаровым в 1955 году, «Арабско-русский словарь», выпущенный в 1957 году, «Арабско-кыргызский словарь» 2006 года, «Камус наама»

Х. Карасаева (1996), «Диалектологический словарь» Ж. Мукамбаева (1976) и «Толковый словарь кыргызского языка» (1984).

Теоретическую и методологическую базу диссертации составила научная лингвистическая информация, содержащаяся в трудах таких ученых, как К. К. Юдахин (1956), Б. М. Юнусалиев (1985), И. А. Батманов (1944), Т. К. Ахматов (1959), Ж. Мукамбаев (1957), Г. Бакинова (1952), К. Дыйканов (1986) Э. Абдулдаев (1959), К. Бекназаров (1987), Б. О. Орузбаева (1958), С. Ж. Мусаев (2017), Т. С. Маразыков (2014), А. Биялиев (2000), Ж. Жумалиев (1983), Т. Сыдыкова (2004), С. С. Жумалиев (2015), В. В. Радлов (1882), Н. Ильминский (1865), А. Н. Самойлович (1928), С. Е. Малов (1947), А. М. Щербак (1962), Н. Вамбери (1867), А. К. Боровков (1953), Э. И. Фазылов (1966), И. Кунош (1902), Г. Ф. Благова (1972), Э. Р. Тенишев (1979), Э. Н. Наджип (1989), Г. Абдурахмонов (1973), Ш. Шукуров (1973), Я. Екманн (1988), Л. З. Будагов (1869), Ераслан, К (1993), Фуад Копрулу (1945), посвященных вопросам истории языка и диалектов в тюркологии, кыргызском языкознании и общем языкознании.

В диссертационной работе, опираясь, в основном, на научно-теоретические заключения, имеющиеся в общем языкознании, тюркологии и кыргызском языкознании, в соответствии с намеченной цели, взятым направлением, содержанием и результатами, были применены методы лексикографирования, сбора, статистики, интерпретации, наблюдения, трансформации, систематизирования, сопоставления, описания, формализации, моделирования, индукции, дедукции, анализа, синтеза, сравнительно-исторический, историко-этимологический методы и по необходимости метод обобщения.

2.2. Во втором параграфе второй главы “Жизнь, творчество Молдо Нияза и вопрос языковых влияний в его произведении «Санат дигарасттар» дана информация о жизни и творчестве Молдо Нияза, о языковых факторах, оказавших влияние на становление его языка.

Молдо Нияз – это личность, занимающая свое, особое место в языке, литературе, истории и культуре кыргызов. Несмотря на то, что касающаяся его информация ранее не собиралась и не исследовалась, поэт не был забыт в народе. И все же неизвестно, в каких условиях и у кого Молдо Нияз учился поэтическому искусству. Конечно, есть мнение, что, вероятно, первым человеком, внесшим вклад в развитие дарованного природой поэтического дара, была его мать. Потому что, как говорят, его мать обладала красноречием, имела склонность к поэзии, была великолепной кошокчу (плакальщицей) [Жээнбаев, 1997: 48].

Если посмотреть на природные признаки стихов, написанных поэтом, то, по-видимому, его творческое мастерство питалось от устного творчества и традиционной акынской поэзии. Эти признаки можно заметить в следующих строках поэта, которые написаны с глубоким уважением и знанием мастерства художественного слова:

Сөз маанисин билгендер,	Согум чалыш дүмбүлдөй.
Сөздүн пири булбулдай.	Ыр маанисин билгендер

Сөз маанисин билбесе, Ашык балант дилгирдей [М.Н. с.52].

Из того, что в его рукописях широко встречаются арабские слова, отражающие религиозные вопросы, и заимствованные из иранских языков слова, связанные с бытом, можно считать, что, когда он учился в медресе, его поэтический талант формировался под воздействием письменной поэзии. На то, что Молдо Нияз получил образование в медресе, в значительной степени повлияли его отец Эрназар и старший брат Пирназар [Жээнбаев, 2001: 97]. Иначе говоря, Молдо Нияз сначала научился арабскому от старшего брата Пирназара, стал осваивать религиозные книги и овладел грамотой. Его старший брат, Жусупали, заметив его тягу к учебе и способность, дал ему возможность обучаться в религиозных медресе городов Коканда и Кашгара. Поскольку Кашгар был в средние века центром науки, знания и культуры, то он внес большой вклад в формирование языка Молдо Нияза, его развитие. Иными словами, то, что Молдо Нияз научился там читать по-арабски, записывать свои мысли на бумаге, явно видно из стихотворных строк в «Санат дигарасттар». Например:

Ай гариби бейнава	Худайым бирдур
Мүшкүл мариз, бейдава	Кудурат билан
Падышахи хакийкый	Экки дүнья айлади
Саңга берди бейнава.	Ауал адам атаны
Давасыз дарт – шахикый	Бинаа айлади.
Акыретнин азабин	Сабапкари Азизил
Көнгиллари кирдур	Сагыр, кабир, бандалар
Яраткан ул ягона	Күнах айлади [М. Н. с.16].

Молдо Нияз был очень образованным и уважаемым человеком своего времени. Сведения о том, что он бывал среди кыргызов в Китае, Андижане, Арке, имел хорошие отношения с управляющими народом, высокопоставленными руководителями в стане хана, тоже можно встретить в его произведениях:

Баары журтту аралап,	Арка журттун ичинде
Жакшыларды көп көрдүм.	Абдандарды көргөнмүн.
Башы: Токмок, Чүй, Талас,	Жантай баатыр баласы
Кетмен –Төбө, Суусамыр,	Шабдандарды көргөнмүн.
Кочкор, Жумгал, Ат-Башы,	Ат-Башынын чет-түбү
Алай менен Анжиян,	Арпасыны көргөнмүн.
Азизи көп Наманган,	Айбаты улук Кытайдын
Паитахтуу Маргалаң	Шарфасыны көргөнмүн.
Жакшыларды көп көрдүм.	Кашкардын үстү гүлбакта
	Ордосуну көргөнмүн [М. Н. 16-б.].

Как отмечается в приведенных выше стихотворных строках, Молдо Нияз выезжал за пределы кыргызских земель, ездил к соседним народам в Маргелан, Кашгар, Каратегин, Андижан, Наманган, получил там образование, все это оказало

влияние на его мировоззрение, формирование его творческого мастерства и язык его рукописных произведений.

2.3. История сбора рукописей и изучения произведения Молдо Нияза «Санат дигарасттар». Произведения наших поэтов-писменников XIX века в большинстве своем были религиозного содержания и поэтому противоречили положениям социалистической идеологии в советское время. Под влиянием тоталитарной идеологии того времени предпринимались попытки сжечь, уничтожить такие произведения. Более того, не давалась сама возможность для сбора и публикации их произведений, подобные действия были запрещены. Но, несмотря на это, в последующие годы целый ряд ученых-лингвистов и литературоведов пытался вести работу по сбору и записи из уст народа трудов наших поэтов-писменников, за что во второй половине XX века им было предъявлено политическое обвинение в идеализации произведений поэтов-заманистов, а сами ученые подверглись репрессии. Например, Тазабек Саманчин, одним из первых исследовавший жизнь и творчество Молдо Кылыча, был политически осужден и подвергся гонениям. Такое положение было большим препятствием для кыргызского литературоведения, которое только начинало формироваться.

Точно так же не сохранились собственные рукописи произведений еще одного нашего поэта-писменника Казбека Мамбетимина. Однако, несмотря на трудности того времени, Болотбек Исабеков, ценивший талант Казбека Мамбетимина, много лет собирал его стихи и сдал собранные им произведения поэта в 1986 году в НАН КР [Көлбаева, 2005, с.4].

Одним из поэтов-писменников, ставших известными, знаменитыми в свое время, был и Молдо Нияз. Академик Б. М. Юнусалиев, сдавший в фонд рукописей НАН КР его объемные, написанные от руки тетради и письма, посвященные историческим событиям, был снят за это с должности и пережил много преследований, о чем не сохранилось письменных свидетельств, но говорится среди людей. Несмотря на все эти трудности, академик Б. М. Юнусалиев в свое время дал очень высокую оценку произведению Молдо Нияза «Санат дигарасттар» и сдал в фонд рукописей Института языка и литературы НАН КР найденные им в 1951 и 1962 годах первую и вторую рукописи. Третью рукописную книгу академик А. Эркебаев взял у жителя села Жайылма Алайского района А. Азимова и сдал 17 октября 1988 года в отдел рукописей [инвентарный номер 147]. И все же, по устным сведениям людей, еще четыре рукописные книги поэта могут находиться у китайских, узбекистанских, таджикистанских кыргызов. Поэтому необходимо непрестанно вести работу по сбору среди народа оригиналов прежних образцов кыргызского письма, сохранивших исторические особенности кыргызского языка, их переписи, передаче их из поколения в поколение, а также сохранению рукописей, переписанных ранее, как национальных культурных ценностей, и бережному к ним отношению. Дело в том, что созданное великими людьми великое наследие является сегодня уникальным письменным источником нашего языка, литературы, культуры, истории. Посредством этих трудов можно определить

репертуар книг, использовавшихся кыргызами в XV-XIX веках, и происхождение тех книг, что они читали, науку и знания, которыми владели грамотные кыргызы прошлого, их художественный литературный вкус. Поскольку эти книги являются историческими письменными памятниками кыргызского языка, ценным источником в их изучении могут стать исследования текстологического и герменевтического направления.

2.4. Трудности, возникшие при чтении рукописи Молдо Нияза. Известно, что Молдо Нияз написал свои санаты арабским алфавитом с опорой на орфографические принципы чагатайского письма. Поэтому в первом параграфе этой главы были изучены и уточнены многочисленные трудности, выявленные при чтении рукописного варианта произведения поэта «Санат дигарасттар». Например: 1. Чтение рукописи было сильно осложнено тем, что в арабском алфавите много согласных звуков близких друг другу, но они резко отличались в написании. Например: ذ (зал), ز (за), ظ (зо), ض (зод); ت (та), ط (то); ح (ха), خ (хо), ه (хе); ث (са), ص (сод), س (син). 2. Под влиянием чагатайского письма в рукописях Молдо Нияза также не видны знаки выражающие гласные арабского алфавита. Например: حقيقة – *хкикт* – акыйкат (справедливость), مرز – *мрз* – мурас (наследство), عقلی – *'акли* – акылы (его ум), علم – *'алм* – аалам (вселенная) и др. [Молдо Нияз, 1993, с.175].

В таких случаях значения слов определяются по значениям, выражаемым в контексте, что связано большими трудностями. 3. Если в чагатайском письме используются буквы, обозначающие гласные звуки: [و], [ی], [ا], то каждый читатель вынужден был читать их в соответствии со своим собственным языком или диалектом. Например: слово

دهزا в кыргызском языке должно было читаться как «заде», в афганском языке – «зада», в таджикском языке – «зода», в узбекском языке – «зода». 4. Несмотря на то, что значков, ставящихся под и над арабскими буквами много, точки, поставленные не на месте, являющиеся излишними или ошибочными, еще больше затрудняли различение алфавитов. 5. Поскольку арабские буквы в зависимости от положения в начале, середине, конце слова и когда стоят отдельно имеют четыре разных написания, приходится хорошенько запоминать их для правильного письма. 6. В арабском письме совсем не используются знаки пунктуации, такие как запятая, точка, знак переноса и прочие. Если надо перенести слово на следующую строку, то перенос совершается без постановки в конце строки черточки. Если в таких случаях встречаются слова, незнакомые кыргызскому языку и заимствованные из другого языка (н.: *магырып, машырык, лайлатулкадур, марзиңга т. д.*), тогда их чтение вызывает затруднение. 7. Так как в чагатайском языке не сохраняется дифференциальный принцип, возникают трудности при различении нового предложения, личных и нарицательных имен. 8. Из-за того, что в рукописи предложения от начала до конца пишутся неразрывно, особые трудности возникают для разграничения слов, заимствованных из других языков. 9. Поскольку первые экземпляры рукописей поэта принадлежат XIX веку, и с тех пор прошло почти два века, отдельные места рукописи потеряли ясность, что также вызывает значительные трудности при чтении. 10. Наличие множества иранских и

арабских слов, совершенно не встречающихся в литературном кыргызском языке, – еще одна причина трудностей для правильного чтения текста и адекватного понимания значения слов.

Конечно, рукопись, написанная арабским алфавитом с опорой на орфографические принципы чагатайского письма, вызывает трудности при чтении, в ней обнаруживаются недостатки, не дающие возможности отражать фонетические особенности кыргызского языка. И все же произведения Молдо Нияза в свое время сыграли в известной мере большую роль в развитии нашей общественной культуры. Поэтому, несмотря на отмеченные выше недостатки рукописи произведения поэта «Санат дигарасттар», нами были предприняты усилия по всестороннему изучению имеющихся в нем элементов чагатайского языка в лингвистическом плане.

Подводя итоги второй главы, можно сказать, что труды, оставленные Молдо Ниязом, являются уникальным памятником нашего народа, нашего языка того времени, нашего литературного наследия, культурного становления, исторического развития. Поэтому непрерывное ведение работы по сбору среди народа оригиналов произведений кыргызского письма прошлых веков, отражающих особенности исторического развития и изменения литературного кыргызского языка, их сохранению, созданию копий, передаче этих трудов будущим поколениям, бережному хранению их как общенационального богатства, ценного национального достояния является безотлагательным условием. Подобные усилия станут ценным источником для решения спорных вопросов, связанных с историческими письменными памятниками кыргызского языка, о которых упоминалось, а также для проведения исследований текстологического, герменевтического направления.

Третья глава посвящена общим признакам и диалектическим особенностям характерные для кыргызского языка в произведении Молдо Нияза “Санат дигарасттар”. И первый параграф этой главы называется **“Фонетические общности характерные для кыргызского литературного языка в рукописи Молдо Нияза”**

Рукописи Молдо Нияза, относящиеся к XIX веку, были написаны на местном языке, и, тем не менее, можно ясно видеть, что в них сохраняются общие языковые элементы, характерные для нормы современного литературного кыргызского языка. Например, если отвлечься от того, что Молдо Нияз был представителем говора ичкилик и использовал узкую, переднеязычную фонему [э] (у нее есть и долгая пара) и губные дифтонги, характерные для названного говора, в рукописях поэта встречается вся система гласных фонем, составляющая основу современного литературного кыргызского языка (восемь кратких гласных: а, э, и, ы, о, ө, у, ү и шесть долгих гласных звуков: аа, ээ, оо, өө, үү, уу). В рукописях отсутствуют отличия от литературного кыргызского языка в плане деления гласных по трем принципам – участию языка и губ, раскрытию ротовой полости в зависимости от места образования и способа произношения. Например, в «Санат дигарасттар» Молдо Нияза встречаются следующие гласные: по участию губ – огубленные: о, ө,

у, ү, оо, өө, уу, үү и неогубленные: аа, ээ, ы, и, аа, ээ; по участию языка – заднего ряда: а, ы, о, у, аа, оо, уу и переднего ряда: э, и, ө, ү, ээ, өө, үү; по раскрытию ротовой полости – широкие: а, э, о, ө, аа, ээ, оо, өө и узкие: ы, и, у, ү, уу, үү.

В силу названных общих признаков гласных звуков в произведении строго сохраняется закон их уподобления по ряду и огубленности (сингармонизм). Более того, закону гармонии гласных кыргызского языка подчинены и некоторые слова, заимствованные из иранского и арабского языков. Например: *ادا* – ада, *آباد* – абад, *آباق* – абак, *آزادا* – азада, *آجاپ* – ажап, *الله* – алла, *آواز* – аваз, *آدالات* – адалат, *آداماتا* – адамата, *آدامزادا* – адамзада [Молдо Нияз, 1993: 175].

Что касается согласных, если не принимать во внимание отдельные местные звуковые особенности, система согласных звуков в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» полностью соответствует нормам современного литературного кыргызского языка. Так, в названном произведении имеют место все 20 звуков (б, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, ң, п, р, в, с, т, ф, х, ч, ш), составляющих систему согласных звуков кыргызского языка и общих для всех трех его диалектов и их говоров. Например, при классификации кыргызских говоров произношение слов с сохранением или опущением звука [н] в начале слова рассматривается как один из основных классификационных признаков [Юнусалиев, 1985: 146]. Потому что звук [н] сохраняется в начале слова в одних говорах, тогда как в других он опускается, что было отмечено в некоторых исследованиях. К примеру, Г. Бакинова, С. Кондучалова, С. Сыдыковдор высказали такое мнение: «В племени адигине, проживающем в Калининском районе вдоль реки Чу, среди сарыбагышев Ат-Баши и Нарына, в некоторых племенах Иссык-Кульской котловины слова произносятся с опущением начального звука [н] как *айза*, *айса*, *аркы*, *асаат*» [Бакинова, 1959:128]. Если взять с этой стороны, в «Санат дигарасттар» звук [н] в начале слова постоянно сохраняется. Дело в том, что говор ичкилик, к которому принадлежит Молдо Нияз, относится к говорам, которые сохраняют этот звук в начале слова. Например: *نازىكچىلىق* – назикчилик (нежность), *نارى* – нары (дальше, отсюда), *نيساپ* – нысап (честность), *نارين* – нарын (мелко крошеное мясо), *نابىت* – набат (леденцы), *نار* – нар (одногогорбый верблюд) т. д. [Молдо Нияз, 1993: 175]. Названный звук постоянно сохраняется и в вопросительном местоимении *не* и в образованных с его участием конструкциях *не-мине*, *не-чалар*, *не-тарсан*, в словах с присоединением ирано-арабского префикса *на-* и в начале слов, заимствованных из иранского и арабского языков. Например: *نايساپ* – *найсип* (нечестный); *ناقابىل* – *накабыл* (неприменимый); *نامىخرىم* – *намехрим* (нелюбезный); *ناخالدور* – *нахалдур* (бессильные); *ناحاسولدور* – *нахасулдур* (бессмысленные); *نمىنه* – *немине?* (что?); *نچالار* – *нечалар* (сколько) т.д. [Молдо Нияз, 1993: 175].

Такое явление наблюдается и в употреблении в «Санат дигарасттар» звуков [с], [з]. Так, использование звуков [с], [з] друг вместо друга, или чрезмерное употребление либо [з], либо [с] нехарактерно для говора (ичкилик), к которому принадлежит поэт. Поэтому в санатах Молдо Нияза употребление звуков [с], [з] ничем не отличается от нормы современного литературного кыргызского языка. Например: *زور* – зор (большой), *زار* – зар (горесть, нужда), *زالىم* – *зальым* (жестокий),

ولوم – уулум (сын мой), زاعر – заар (яд), زینات – зыйнат (украшение); سوو – суу (вода), سیل – сеил (прогулка), سولتو – солто (одно из племен), سارباغش – сарбагыш (одно из племен), ساییق – саяк (одно из племен), سارو – саруу (одно из племен), سولو – сулуу (красивый) т. д. [Молдо Нияз, 1993: 175]. Более того, академик Б.М. Юнусалиев предупреждал, что при определении правильности употребления этих звуков в слове надо ориентироваться на юго-западный диалект (ичкилик) [Юнусалиев, 1985: 346].

3.2. Морфологические признаки, характерные для кыргызского литературного языка в «Санат дигарасттар». Были изучены морфологические признаки, характерные для современного литературного кыргызского языка, в «Санат дигарасттар» Молдо Нияза. В ходе исследования было установлено, что в санатах поэта преобладают характерные для литературного языка признаки падежа, притяжательности, лица именных слов, подразделение частей речи на группы в зависимости от их значений и грамматических форм, их образование, грамматические признаки глагольных категорий, характерные для литературного кыргызского языка в целом. Например, если в случаях, когда присоединяется притяжательный аффикс третьего лица, характерный для говора, к которому принадлежит Молдо Нияз, кроме именительного и родительного падежей, в остальных четырех падежах (дательном, объектном, местном, исходном) именные слова склоняются по-особому (жериге, жерини, жериде, жериден), то в случаях, когда такого притяжательного аффикса нет, они склоняются точно так же, как в нашем литературном языке, и никаких различий не наблюдается.

Казды жетип карматкан,	Алтындан экен ийиги,
Карчыганын канаты.	Айбартуу экен эшиги.
Айта берсем түгөнбөйт	Күмүштөн экен бешиги,
Даткайымдын санаты.	Күндө жыйын эшиги
Тоо менен жолду бутпарас,	Он сегиз миң ааламды,
Бүтүп алды дафтарга.	Асманда азиз жаратты.
Жакын кылды зыбырга,	Арши күрс, лаухукаламды
Салат машгүл оюнга	Өзү калкка жаратты [М. Н., с.175].

В этих стихотворных строках, несмотря на то, что наряду с исконными словами, используются и слова, заимствованные из других языков, падежные аффиксы присоединяются в соответствии с нормой категории падежа в литературном кыргызском языке. Например: *дафтарга* – *داڤتارغا* (тетради), *зыбырга* – *زىبىرغا* (книге судьбы), *казды* – *قازدى* (гуся), *карчыганын* – *قارچىغانىن* (карчыги, вид птиц), *Даткайымдын* – *داتقايمىدىن* (Даткайым (р.п.)), *алтындан* – *التىندان* (из золота), *күмүштөн* – *قۇمۇشتون* (из серебра), *күндө* – *قۇندۇ* (в каждый день), *ааламды* – *الامدى* (вселенную) [Молдо Нияз, 1993: 175].

2) В спряжении глагола второго лица единственного числа вежливого типа в качестве формы, характерной для всех южных говоров и не характерной для литературного кыргызского языка, используется, наряду с формой литературного языка *-ңыз* или вместо нее, краткая форма *-ың*. Такая форма встречается в

художественной литературе только в речах персонажей и практически не характерна для авторского повествования. В произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» преобладает авторское повествование. И хотя приведенная выше форма (-ын) характерна для говора поэта (ичкилик), она, тем не менее, в его санатах не встречается.

3) Вспомогательный глаголы типа *ایدی* – эде, *ایدی* – эди, а также такие служебные слова, как *حام* – хам, *قى* – ки, отличающиеся от литературного кыргызского языка, можно рассматривать в качестве местных особенностей поэта. Но в «Санат дигарасттар» подобные морфологические особенности весьма незначительны по количеству.

3.3. Лексические сходства, характерные для кыргызского литературного языка в рукописи «Санат дигарасттар». В санатах Молдо Нияза были исследованы лексические группы, характерные для литературного кыргызского языка. Было выявлено, что в нём преобладают как лексические особенности, слова, не характерные для литературного кыргызского языка и кыргызских диалектов, но заимствованные из языков соседних народов и частично освоенные в южных диалектах, типа: *قىسىل* – кэсал (недуг), *قاتا* – кэтта, *اسىل* – асал (мед), *ساغىر* – сагыр (сирота), *بالىنت* – балэнт (большой), *پاس* – пэс (низкий), *قالا* – калла (голова), *تاغى* – таги (дно), *غوس* – гөш (мясо), *قوتوز* – котоз (як), *موش* – муш (мышь), *تويا* – туйа (верблюд), *باچار* – бахар (весна), *غالا* – гала (глина), *قاندىق وروق* – кандек өрүк (абрикос), так и единицы, объединяющие различные диалекты и носящие общенародный характер, такие как: *سو* – суу (вода), *بال* – бал (мёд), *قانت* – кант (сахар), *قوروت* – курут (сушеный творог), *نابات* – набат (леденец), *اراق* – арак (водка), *سوت* – сүт (молоко), *توز* – туз (соль), *اش* – аш (пища), *قوروج* – күрүч (рис), *ايران* – айран, *قىمىز* – кымыз (кумыс), *چوچوق* – чучук (конская колбаса), *اقى بوداي* – ак буудай (белая пшеница), *قورداق* – куурдак (жаренное мясо), *ساندىق* – сандык (сундук), *قازان* – казан (котел), *سىق* – ийик (веретено), *قايچى* – кайчы (ножницы), *توقابا* – тукаба (плющ), *باشتىق* – башитык (мешочек), *جاستىق* – жастык (опасность), *چىراق* – чырак (светильник) [Молдо Нияз, 1993: 175]. В особенности в «Санат дигарасттар» тысячами встречаются слова, связанные с предметами, понятиями, качествами повседневной жизни и выражающие действия глагольные слова. Такой показатель явно показывает, что, если не принимать во внимание отдельные особенности, связанные с его временем, Молдо Нияз в повседневном общении говорил в целом в соответствии с нормами современного кыргызского языка.

3.4. Использование фонетических диалектизмов в рукописи «Санат дигарасттар». В произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» широко распространены особенности, характерные для говора ичкилик юго-западного диалекта кыргызского языка. Местные особенности в языке ичкилик, отличающие его других говоров кыргызского языка, И.А. Батманов связывает с не имеющими близкородственных связей с кыргызским языком и входящими в карлукскую группу уйгурским и узбекским языками [Батманов, 1956: 31]. Если же взглянуть на говор ичкилик как говор, в котором поэт вырос, то наличие в его языке заимствованных из уйгурского и узбекского языков фонетических и лексических

элементов оказывается вполне обоснованным. Например, если сравнить некоторые имеющиеся в рукописи слова со словами из уйгурского и узбекского языков, обнаружатся следующие сходства:

Сходства слов рукописи со словами в уйгурском и узбекском языках

В рукописи	В изданном варианте О.Сооронова	В узбекском языке	В уйгурском языке	В кыргызском языке
кайтмок	Кайтмак	кайтмок	кайтмак	кайтмак – возврат
сатмок	сатмак	сатмок	сатмак	сатмак – продажа
йахши	йакшы	йахши	йахши	жакшы – хороший
эгиз, баланд	эгиз, балант	баланд	эгиз, буюк	бийик – высокий
паст	пас	паст	пэст	жапыз, пас – низкий

Такое устойчивое сохранение в санатах поэта фонетических, грамматических, лексических признаков уйгурского и узбекского языков наблюдается в собранных материалах. Этому есть следующие причины. Во-первых, язык кыргызов-ичкилик, веками проживавших в тесных связях с таджиками, узбеками и уйгурами, не мог напрямую не повлиять на формирование языкового чувства поэта. Во-вторых, то, что поэт постоянно проживал в своём диалектном ареале, и то, что произведения его относятся к первой половине XIX века, породило именно такие особенности его языка. Дело в том, что письменная литература того времени, как известно, развивалась на региональной и этнической основе. В-третьих, можно добавить, что Молдо Нияз получил образование на иранском, арабском и чагатайском языках.

В силу этих причин и условий в произведении «Санат дигарасттар» можно обнаружить следующие фонетические особенности, отличающиеся от современного литературного кыргызского языка: а) использование в целом ряде слов звука [v] вместо звука [б]: *داواسز* – давасыз, *قوانىپ* – куванып, *اوازی* – авазы, *داورى* – даври, *قويويت* – койвойт, *قاروانچى* – карванчи; б) попеременное использование в начале слова звуков [к-г], [т-д]: *گومان* – гуман, *گوروستون* – герустон, *غارث* – гарып, *گوناخى* – гунахи, *دوقابا* – дукаба, *داغن* – дагын, *تادين* – таин, *تونگوز* – тоңуз; *پاتاسى* – патасы, *پششىرىپ* – пышырып, *پايلاغان* – пайлаган; г) произношение некоторых согласных в начале и в конце слова: *منناقى* – мынаке, *قاناقى* – канаке, *بوياققا* – буюкка, *شوياققا* – шуякка ж.б. [Молдо Нияз, 1993, 175].

Подобные фонетические явления, характерные для юго-западного диалекта, связаны с необходимостью разговорного стиля Молдо Нияза.

3.5. Морфологические диалектизмы в рукописи. Были выявлены следующие морфологические особенности, характерные для «собственного» говора поэта (ичкилик) и значительно отличающиеся от современного литературного кыргызского языка. Например: 1) при присоединении к словам, оканчивающимся на сонорные согласные [м], [н], [ң], начальный звук [д] в аффиксах родительного, объектного и исходного падежа в некоторых словах уподобляется предшествующим носовым согласным (подвергается ассимиляции),

в результате чего они произносятся с начальным звуком [н]. Н.: *ايغىمنن* – эгемнин (господа), *جىلقىقنىن* – желкеңнен (с твоего загривка), *ادامنىن* – адамнын (человека), *ارماننى* – арманны (несбывшейся мечты), *تاتنان* – таннан (с зари) и т.д.; 2) наблюдается сокращение аффиксов родительного и исходного падежей *-нын*, *-дан* и использование их в форме *-ды*, *-да*, что делает их похожими на аффиксы объектного и местного падежей: *دوينودو* – дүйнөдө(н) (из мира), *قىلان گدى* – кыйланды(н) (из многих) [Молдо Нияз, 1993: 175]; 3) вместо аффикса *-лык*, указывающего в литературном языке на принадлежность человека в той или иной местности, используется характерный для юго-западного диалекта аффикс *-чы*: *алайчы* (алаец); 4) наблюдается возникновение особенностей в некоторых падежах после аффикса III лица: *элиге* (его народу), *эриге* (её мужу), *оозуга* (в его уста); *кашыда* (в её бровях), *жериде* (на его земле), *элиде* (в его народе), *пайыда* (в его сухожилии), *жайыда* (в его положении), *сайыда* (в её русле); *изини* (ее след), *кызыны* (его дочь), *түнүнү* (ночью), *күнүнү* (его день), *каарыны* (его гнев), *баарыны* (всех); *атасыдан* (от его отца), *башыдан* (с её головы), *колудан* (из его рук), *нурудан* (от его света); 5) личные местоимения I, II, III лица используются в измененной посредством падежа форме: *мениң* (мой), *саңа /саңга* (тебе), *о /ол* (его), *ондой* (как он), *онун* (его), *онон* (от него), *олордон* (от них); 6) указательные местоимения литературного кыргызского языка *ошол,ошо* (тот), *ушул, ушу*, *бул* (этот) произносятся с опущением начального гласного звука в виде *шо,шу, шул, шол, бу* (этот); 7) имеет место произношение обобщенных (коллективных) местоимений в форме *барча, хамма* (все), неопределенных местоимений в форме *бир хыл* (один), *баазилар* (некоторые) [Молдо Нияз, 1993: 175].

Если в «Санат дигарасттар» Молдо Нияза отдельные из этих особенностей встречаются в стихотворных строках, как было указано выше, в силу объективных исторических условий, то другие подчинены цели сохранения размера стиха и количества слогов (при необходимости добавляя или убавляя их), а также соблюдения ритма стиха.

3.6. В разделе, названном Лексические диалектизмы в произведении «Санат дигарасттар», было выявлено, что лексические особенности занимают значимое место в выражении местных различий. Так, в санатах поэта много случаев, когда общеизвестная кыргызам лексика выражается диалектными словами. В рассматриваемом произведении такие местные слова наблюдаются, прежде всего, при именовании понятий, предметов, вещей, явлений, относящихся к жизненным условиям, хозяйству, традициям народа. Например: *бөзфуруштук* (ткань, марля), *бурийа* (старый ковер), *гажары* (плетенная дерюга с орнаментом), *уртук* (попона лошади, покрытие очага), *даш казан* (большой котел), *дилда* (золотая монета), *жалпооч* (украшенное покрытие лошади), *каса* (шелковая ткань), *кештелүү* (вышивка), *манат* (ворсистая красная ткань, в древности выпускавшаяся в Бухаре), *мервет* (жемчуг; перламутровые бусы; прозрачный), *намиян* (карман), *нештүү* (ровная мотыга), *торко* (шелковая ткань), *түймөлүү* (булавка), *эзар, изар* (пантолоны), *мачтай* (соха), *довул* (барабан), *мис* (медь), *жам* (таз для мойки белья) и др. [Молдо Нияз, 1993: 175].у

В виду того, что у некоторых из подобных местных языковых материалов, являющихся источником обогащения литературного языка, нет эквивалентов, использование таких диалектных слов было необходимо, а сами слова в той или иной степени дополнили лексику литературного кыргызского языка. Было также выявлено, что первичные значения некоторых слов, не имевших эквивалентов в кыргызском языке, подверглись в юго-западном диалекте, к которому принадлежал поэт, постепенной полисемантизации, обрели переносное или совершенно иное, омонимичное значение. Так, слово *март*, обозначающее в кыргызском языке, наряду с названием месяца, также такие, обнаруживаемые в общественных отношениях качества человека, как щедрость, великодушие (н.: *Жараган мүшкүл ишиңе, Марттан жакшы бар бекен? – Есть ли кто, кто пригодился бы лучше в твоём трудном деле, чем щедрый человека?*), используется в таких, заимствованных южным диалектом под влиянием таджикского языка, но не встречающихся в северном диалекте значениях, как *эркек, эр, баатыр, туруктуу, кайраттуу, чыдамкай – мужчина, герой, богатырь, стойкий, мужественный, терпеливый*. Эти значения образовали в произведениях Молдо Нияза по отношению к названному слову омонимический ряд. К примеру, в стихотворной строке из произведения поэта: «Назари балант марттардин» слово *март* обозначает такое человеческое качество, как раздумывающий о жизни, знающий, а в такой строке, как «Боларман чыккан марттардин», то же слово *март* обозначает такое качество, как трудолюбивый, самодостаточный. В строке: «Ак жолборстой марттардин» слово *март* имеет смысл «смелый как тигр, боевой, не боящийся ничего, решительный». В строке «Көөнү калыс марттардин» оно несет смысл «не говорящий лжи, справедливый, беспристрастный». В строке «Бели каттык марттардин» слово *март* обозначает такие человеческие качества, как стойкость в различных жизненных трудностях, сильную волю.

Таким образом, несмотря на то что встречающееся в произведении «Санат дигарасттар» слово *март* изменяется по формам, которые относятся к одной и той же части речи и не отличаются друг от друга по звуковому составу, его контекстное значение расширилось, и оно смогло выразить целый набор упомянутых выше различных качеств личности.

Слово *азиз*, выражающее в самом кыргызском языке значение *слепой, невидящий*, в произведении «Санат дигарасттар» в характерных для местного языка значениях *почетный, уважаемый, дорогой, святой*:

Кадырлы <u>азиз</u> бу башың,	Ауалдан мен айтсам
Кара жерге коюлар [М.Н., с.74].	Жан эгам өзүдүр йараткан.
Түндүгүдөн Ай көрүп,	Он сегиз миң ааламды
Бирөвдүн жалгыз <u>азизи</u>	Асманда <u>азиз</u> йаратты [М.Н., с.26].
Бир жерге түшүп кор болот [М.Н., с.50].	

В санатах Молдо Нияза слова, заимствованные из иранского и арабского языков и отличающиеся от слов литературного кыргызского языка хотя и обладают семантическими особенностями, но по своей звуковой форме

совпадают со словами литературного кыргызского языка. Они, как удобный способ обогащения лексики данного произведения, образуют омонимические ряды. То, что такие особенности широко распространены в санатах Молдо Нияза, убедительно показывают приведенные примеры. Эти языковые средства могут послужить важным фактическим материалом для тех, кто будет исследовать говоры кыргызского языка.

Если **обобщить то, что было сказано по третьей главе**, можно сказать, что язык «Санат дигарасттар» Молдо Нияза и литературный кыргызский язык по своей звуковой системе, грамматическому строю и словарному составу образуют одну общность. Однако это произведение поэта является неповторимым письменным литературным памятником кыргызов XIX века, сохранившим при этом лексико-грамматические особенности говора ичкилик.

Глава IV диссертации называется «Лингвистические элементы, характерные для чагатайского языка, в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар».

4.1. Элементы чагатайского языка в разрезе гласных в «Санат дигарасттар». На примере иллюстративного материала были исследованы следующие гласные звуки в санатах поэта, отличающиеся от гласных литературного кыргызского языка, но схожие с гласными чагатайского языка. 1) Было выявлено, что из негубных гласных переднеязычный звук [э], отличающий кыргызские диалекты по количеству, в произведении «Санат дигарасттар» встречается во всех слогах и так же, как в азербайджанском, туркменском, уйгурском, татарском, башкирском, узбекском, таджикском, казахском языках, обладает свойством изменять значение слова. Например:

قىزىل باش قافىر قلايولوت	1) Кызыл баш кафир <u>кал</u> болот,
سوقور و ساساي بولوت	Суу куруса сай болот [М.Н., с.51.].
لىلىنن جولون قال دىغەن	2) Илимнин жолун <u>кал</u> деген
سولوقتون جولون حال داگن	Соолуктун жолун хал деген [М.Н., 37-б.].
ايتىلбай قالدى نوبوز	3) Айтылбай <u>калды</u> сөзүбүз,
ارماندا قالدى وزوبوز	Арманда <u>калды</u> өзүбүз [М.Н., 132-б.].
قارا قалам اق قاغاز	4) Кара <u>калам</u> , ак кагаз
خانداردىن شىن بوتوپ	Хандардын ишин бүтүрүп [М.Н., 48-б.].

Здесь в первой строке кал //ад. т. «лысый», во второй строке – кал //ад. т. «наука», в третьей строке кал // глагол. Оказавшись же созвучным глаголу калам в литературном языке, с фонемой [э], способной изменить значение слова, образовало в четвертой строке форму калам, обозначив орудие письма в литературном языке. Но так как в арабском алфавите нет специального знака для звука [э], он на письме ничем не отличается от звука [а]. В результате в произведении «Санат дигарасттар» буква ۱ (алиф) в сочетании с глухими согласными читается как гласная заднего ряда [а], а в сочетании с сонорными согласными – как гласная переднего ряда [э]. Например: Мисалы: [а] ازامات – азамат (молодец); [а] بلانك – балаң (твое дитя); [а] مرتدادى – марттарды (щедрых); [э] ارجانى – арчаны (можжевельник); [э] ايتىپ – айтып (сказав), [э] تاكى جوق – тағи жок (без

конца); *بلا* – *балээге* (напасти) [Молдо Нияз, 1993: 175]. 2. То, что в чагатайском языке буквы [а-о] объединяются и обозначаются в арабском алфавите буквой *آ* (алиф), наблюдается и в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар». Эта *آ* (алиф) соответствует больше звуку [а], чем звуку [о]. При сравнении этой буквы *آ* (алиф) с кыргызским языком было выявлено, что хотя она и произносится по артикуляции как несколько огубленный, открытый [о], она является лишь дублетом фонемы [а]. Однако в словах, написанных арабской графикой, они хоть и были переданы однообразно с помощью буквы *آ* (алиф), при чтении произведения они образовали дублеты. Например: Мисалы: *آدم* – *одам* // *адам* (человек); *آل* – *ол*//*ал* (он, она); *آنداي* – *ондой*//*андай* (такой); *آنان* – *онон*//*андан* – (от него); *آنون* – *онун* // *анын* (его, её), *آлар* – *олор*//*алар* (они) и др. [Молдо Нияз, 1993: 175].

В результате написание фонемы [а] в виде [о] изменило первоначальную народную форму литературного языка, отдалило некоторые говоры южных диалектов от других диалектов. 3. В рассматриваемом произведении есть и обозначаемый в арабском алфавите буквой *ع* гортанный звук, который невозможно ни передать буквой кыргызского языка, ни толком произнести: *عملين* – *'млин* (*'эмэлин*); *عمل* – кыр. адаб. *амал* // түш.б.д. *эмэл* (уловка); *علمنن كاتى* – *'лмнин* (*'илимнин*) *кэни*; *علم* – кыр. адаб. жана диал. *илим* (наука); *عاقل* – *'ақл* (*'ақыл*) – *ум*; ар. *عقل* – кырг. адаб. жана диал. *акыл* (ум); *عيبه* – *'иби* (*'айыбы*); *عيب* – кырг. адаб. жана диал. *айып* (вина) [Молдо Нияз, 1993: 175]. Поскольку в литературном кыргызском языке невозможно заменить букву *ع* (айн) звуками литературного кыргызского языка, вместо неё в словарях составители ставили различные значки, или заменяли разными звуками. Например: *таъзим*, *та,зим*, *т'азим*, *тагзим*, *таазим*. Но, в виду того, что встречающий в «Санат дигарасттар» и в чагатайском языке звук *ع*– (айн) не использовался в литературном кыргызском языке, он не смог оставить никакого следа в устной языке. 4. В чагатайском языке во всех слогах, кроме первого, звуки [у], [ү] произносятся как *tagarçuk* – *куржун* (сумка), *alduk* (взяли), *kaldük* (пришли), *aldur* (побуди взять), *kästür* (побуди порезать), *algu bergü* (обмен, торговля), *çatlaguç* (жвачка), *yelpigüç* (веер), *tañ atku[n]ça* (до рассвета), *kälgünçe* (до прихода), *çargun* (вьюга), *yatgur* (уложить), *yatkür* (доставить), *tirgüz* (оживить), *açuk* (открытый), *käsük* (порезанный, сломанный), *yitür* (потерять) и т. д. Это имеет место и в названном произведении Молдо Нияза. Например: *التون* – *алтун* (золото), *حاتون* – *хатун* (баба), *مالوم* – *малум* (известно), *اغالاروم* – *агаларум* (мои старшие братья), *قالولر* – *калур* (останется) и т.д. [Молдо Нияз, 1993: 175].

Такое же явление наблюдается в санатах Молдо Нияза и в отношении долгих гласных. Так, в написанном арабским алфавитом «Санат дигарасттар» не были употреблены особые значки для обозначения долгих гласных и их употребление объясняется изменением следующих звуковых последовательностей. 1) Используемый в диалектах долгий звук в рукописях Молдо Нияза наблюдается в использовании сразу после буквы *آ* (алиф) арабского алфавита гортанной *ع* – (айн): *ماع لىم* – *мээлим* (известно), *باع زىلاردىن* – *бээзилардин*

(некоторых), *بالاعسى* – *баләәси* (его напасть) и т. д. 2. Вместо долгого [aa] имеет место фарингальный [خ] (спирант h): *захар* (ир. *зәһр*) в кырг.яз. *заар* – уу (яд), южн. диал. *зәар*, (өзб. *захар*, ир. *зәһр*); *сахар* (ар. *saḥar*) в кырг.яз. *саар* – таң салган кез (рассветное время) и т. д. [Молдо Нияз, 1993: 175.]. 3) В «Санат дигарасттар» вместо долгой формы губных гласных литературного кыргызского языка встречаются формы, использовавшиеся в древних тюркских языках. 4) Образовавшийся в чагатайском языке под влиянием древнекыргызского и среднетюркского языков губной дифтонг [w] в «Санат дигарасттар» виден в последовательном расположении арабских согласных *ا* (алиф) и *و* (вав). Например: *بتشکن جاودون* – *беттешкен жовдун* (противостоящего врага); *تودون الا باشينه* – *Ала тодун (товдун) башыны* (вершины Ала Тоо); *سوقشور ساودون سادة* – *суксур суудун сайыда* – (в русле вытянувшейся реки) [Молдо Нияз, 1993: 175].

Этот звук в литературном кыргызском языке и кыргызских говорах, где не используются дифтонги, соответствует долгим губным гласным (оо, өө, уу, үү). 5) В связи с тем, что между двумя гласными древний звук [ي] (й) при произношении не выпадал, между долгими гласными возникли трифтонг и йотт: *تونويدع* – *түйәдә* (у верблюда); *دونويدع* – *дүнүйәдә* (в мире) и т. д.

Было выявлено, что подобные, встречающиеся в произведении поэта факты, во-первых, являются следствием влияния звуковых особенностей арабского языка, а, во-вторых, возникли под влиянием письменной поэзии на чагатайском языке.

4.2. В разделе, озаглавленном Элементы чагатайского языка, связанные с согласными в «Санат дигарасттар» были исследованы характерные для чагатайского языка согласные звуки. Например: 1) В «Санат дигарасттар» широко используется не характерный для литературного кыргызского языка фарингальный [h]. Он обозначается арабской буквой и встречается во всех позициях в заимствованных из иранского и арабского языков словах. Например: *حوماتداسان* – *хурматдасан* (если почтишь), *خالل* – *халал* (чистый), *زاحار* – *захар* (яд), *ساحار* – *сахар* (рассвет), *شاحيدين* – *шахиддин* (шахида), *كاحرتني* – *кахрини* (его гнев), *زاخريني* – *захарини* (его яд), *باديشاح* – *падышах* (царь), *كانداح* – *кандах* (какой) и т. д. [Молдо Нияз, 1993: 175]. В литературном кыргызском языке и северных говорах звук [Н (h)] выпадает при произношении в начале и конце слова. Например: *ар, ак, алал, арам, ажы, өкүмөт, өкүмү, уриат, өкүмдар, акийкат, ар кандай* – *каждый, белый, чистый, нечистый, ходжа, свобода, правительство, повеление, повелитель, истина, любой* и т. д. 2) Хотя звук [x], наличествующий в литературном кыргызском языке, в рукописи передается двояко с помощью таких букв арабского алфавита, как *ح* (ха), *خ* (хе), он обозначает одну и ту же фонему [x] и полностью сохраняется в словах, перешедших из иранской и арабской лексики. Н.: *حام* – ир. *хам* (в кырг. яз. *жана, дагы – и, тоже*); *حام* – ир. *хамма* // *һәмме* (в кырг. яз. *бардык, бүт, бүткүл, баары – все, весь*); *شاحايا* – ир. *шахая* (в кырг. яз. *иштейди ача турган. «иштей» – видоизменен из арабского «иштиха», в кыргызском языке передает значение «тамакка көңүл чабуу, аш жегиси келүү – иметь аппетит»*; *دربح* – ир. *дарых*

(дерево); سالىح – ар. *салых* (чистый, хороший). 3) В заимствованных словах звуки [ф-п] сохраняются при произношении во всех позициях и в отдельных случаях заменяются в соответствии со стилистической целью: *بري پولدو* – *пулду берип* (дав деньги); *پيغمبر* – *пайгамбар* (пророк); *فرشتا* – *фришта, паришта* (ангел); *فيل* – *фил, пил* (слон). 4) Встречающийся в литературном кыргызском языке только в середине слова глубокозаднеязычный звук [гы] обозначается арабской буквой غ (*Фойн*) и встречается в начале слов, заимствованных из иранского и арабского языков: *غريب* – ар. *грыб* (бедняк); *غازات* – ар. *қазат* (газават) 5) В начале слова вместо звука [ж] в нескольких словах используется звук [й]: *ياراتقان* – *йараткан* (создатель), *يوقدور يالغانغا* – *йокдур йалганга* (нет в этот мире). 6) В рукописи звук кыргызского языка [ң] так же, как в чагатайском языке, обозначается сочетанием двух букв [нк] (нун и каф) [нг]: *يورتنگ* – *йуртынг, журтуң* (твой народ), *مان گداي* – *мангдай, маңдай* (чело). 7) Согласные в середине слова при произношении подвергаются геминации: *بـعـلـات* – *беиллат* (чистый, здоровый), *ساراب* – *сарраб* (трата), *اي ار* – *аййар* (умелец, ловкач), *غايار* – *гаййар* (умелец) и т. д. [Молдо Нияз, 1993: 175.]. Следующие геминаты, заимствованные через чагатайское письмо из иранского и арабского языков (лл, йй, рр, мм, кк, хх, сс, чч, бб, фф, тт, нн, дд, вв), и согласные звуки, отличающиеся от литературного кыргызского языка, обогатили звуковую систему санатов Молдо Нияза. А о указанных выше особенностях в согласных звуках, составляющих основной норматив чагатайского языка в санатах поэта, видимо, можно сказать, что свидетельствуют о том, насколько сильным было в ту эпоху влияние чагатайского письма.

4.3. В разделе, озаглавленном Морфологические элементы чагатайского языка в «Санат дигарасттар», были выявлены и исследованы многочисленные грамматические элементы в произведении, появившиеся под влиянием чагатайского языка. Так, в «Санат дигарасттар» наблюдаются следующие грамматические элементы, характерные для чагатайского языка. Например: 1) использование в дательном падеже вместо присоединяемых после личного окончания второго и третьего лица в литературном кыргызском языке аффиксов -а, -на аффикса -га: *дардиңга* (твоей болезни), *арзиңга* (к твоему удовольствию), *сөзүңга* (к твоему слову), *өзүңга* (тебе самому), *кашыга* (на твою бровь); 2) наличие особой формы склонения в объектном падеже: *ашыны*, *балдарыны* (его детей), *баласыны* (его ребенка), *баарыны* (всех), *башыны* (его голову), *белини* (его поясницу); 3) выпадение в местном падеже, подобно узбекскому и уйгурскому языкам, звука [н] перед аффиксом -да при произношении: *жайыда* (летом), *сайыда* (в её русле), *колуда* (в его руке), *жолуда* (на его пути), *пайда* (в его сухожилии); 4) замена в исходном падеже звука [н] в начале аффикса -нан, используемого в литературном языке, на звук [д]: *атасыдан* (от его отца), *колудан* (из его рук), *нурудан* (из его света); 5) использование заимствованных из иранского языка посредством узбекского и таджикского языков словоизменительного аффикса -дар: *газыйнадар* (казначей), *чарваадар* (хозяйственник), а также словообразующих аффиксов -хана: *جايحانا* –

жайхана (помещение для инвалидов), *سەلخانا* – селхана (место отдыха), -пуруш: *چىتىپۇرۇش* – чытпуруш (продавец ситца), *قوسقۇرۇشلۇق* – кўсфурушлук (сводник) и префиксов бе-//бей- *بىي آۋاڧا* – бейвафа (безболезный), *بەينىاۋا* – бейнава (не могущий плакать бедолага), *بىللە* – беиллат (чистый, здоровый), *بىداۋا* – бедава (неизлечимый), на- *ناۋموت* – науумут (отчаявшийся), *ناخاسۇلدۇر* – нахасулдур (бессмысленные), *ناخالدۇر* – нахалдур (бессильные) [Молдо Нияз, 1993: 175]; 6) по числительным, образование собирательных числительных как с помощью аффиксов -оо, -өө, что характерно для литературного кыргызского языка, так и по орфографической модели чагатайского языка с помощью дифтонга -ev (*birev* «один», *ikev* «двое», *üçev* «трое»); 7) по местоимениям, наличие личных местоимений в характерных для чагатайского языка формах *мениң*, *сениң* (мой, твой) – в родительном падеже и *маңа*, *саңа* (мне, тебе) – в дательном падеже; сохранение фарингального [h] в начале слова в определительных местоимениях, как в чагатайском языке: *хар кандай* (различный), *хар кимди* (каждого, всякого), *хар жерде* (повсюду); использование определительных местоимений, выражающие общность предметов, в форме *барча*, *бари* (все); наличие древних форм *не* и *немине* вопросительного местоимения *эмне* (что), задаваемого по отношению к неодушевленным предметам, а также, наряду с вопросительным *эмнеге*, *эмне үчүн* (почему, для чего), задаваемого с целью определения свойств, признаков, предмета, признаков действия, также и формы *нечүк* (какой), характерной для чагатайского языка: *Нечүк илах этарсан*, *Йакшы амал кылмадиң* – Какую уловку предпримешь, Хорошей попытки не сделал [Молдо Нияз, 1993: 84]; 8) использование в глагольных словах в качестве элементов чагатайского языка вместо аффикса -т, образующего форму третьего лица настоящего-будущего времени, варианта -дур, который чаще встречается в письменных памятниках: *каладыр* (останется), *йокдур* (отсутствует); 9) довольно частое использование вместо аффикса второго лица единственного -сын аффикса -сан, как в литературном узбекском языке: *болурсан* (возможно будешь), *йатарсан* (возможно) ляжешь, *кетарсан* (возможно уйдешь), *өтарсан* (возможно пройдешь), *кылмасун* (пусть не делает), *салмасун* (пусть не кладет) и т. д.; 10) форма повелительного наклонения глагола с сокращенным аффиксом-ың, во множественном числе – -ыңар, -ыңлар, как в чагатайском языке (*körünğ* (смотрите), *sorunğizlar* (спросите): *айтпаңлар*, *айтпаңар* (не говорите)); 11) замена начального звука [б] в частице -ба, образующей в литературном кыргызском языке отрицательную форму глагола, на звук [м]: *ачмаса* (если не откроет), *демаса* (если не скажет), *качмаса* (если не убежит), *этмаса* (если не сделает); 12) наличие вспомогательных глаголов типа *эдем*, *эдең*, *эдиң*, образованных от общих с чагатайским языком по звуковому составу *эде*, *эди*; 13) употребление наряду с союзами, распространенными в литературном кыргызском языке и северных говорах, таких, не характерных для кыргызского языка, заимствованных из узбекского, уйгурского, таджикского языков союзов, как *хам*, *ки*: *Бирөө сокин болсо хам*, *Химматни берди* – Даже если кто-то молча,

Он указывал путь; Көргөн билет, шунча ки, Дунүйөнүн каарыны – Лишь тот, кто узнал, знает, каков гнев мира [Молдо Нияз, 1993: 75, 29].

Широкое использование в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» указанных выше морфологических сходств с чагатайским языком доказывает, что поэт знал многие восточные языки и как грамотный представитель своего времени писал, пользуясь орфографией литературного чагатайского языка.

4.4. Лексические элементы чагатайского языка в «Санат дигарасттар». В «Санат дигарасттар» лексический состав слов, характерных для чагатайского языка, составляют собственно кыргызские слова, характерные для среднекыргызской эпохи, и слова, заимствованные из иранского и арабского языков. 1) Так, в произведении «Санат дигарасттар» собственно кыргызские слова, отличающиеся от литературного кыргызского языка, но сходные с чагатайским языком, можно увидеть в следующих примерах: *تورلوق* – *түрлүк* (различный), *ايلىق* – *элик* (пятьдесят), *ولوق* – *улук* (великий), *سوساپ* – *сусап* (жаждущая), *سودان* – *судан* (из воды), *تودون* – *товдун* (горы), *جودون* – *жовдун* (врага), *برودو* – *бирөвдү* (одного) [Молдо Нияз, 1993: 175]. Эти слова встречаются и в словаре чагатайского языка: *qattiq* // *qatiq* (твердый), *quriq* (сухой), *qavun* – (дыня); *taviq* (курица); *saviq* (холод); *yavurqan* (одеяло); *birev* (один); *akev* (двое); *işev* (трое); *altav* (шестеро); *bilev* (брусок); *buzav* (теленка); *küyev* (муж) [Кунош, 1902: 203.]. 2) В «Санат дигарасттар» слова, проявляющие подобные языковые особенности, встречаются и среди топонимов: *Ыстык-Көл*, *Индустан*, *Франк*, *Ооган*, *Олуя-Ата*, *Пишкег*, *Маскан*, *Памил* [Молдо Нияз, 1993: 175]. 3) Поскольку Молдо Нияз в своих санатах отражал народную жизнь того времени, в котором жил сам, в них много широко распространенных древних кыргызских названий одежды, предметов быта, орудий труда. Такие слова отчетливо доносят колорит, особенности той эпохи и бытовых и экономических условий и обстановки. Например, в произведении можно встретить такие слова, как *телпек* (шапчонка), *чач папик* (кисти из нитей), *илчек* (тюрбан), *уртук* (попона), *буйла* (колышек). 4) В санатах поэта имеют место и такие исторические слова чагатайского языка, как *biy*, *bek*, *başçı*, *batur*, *ağalığ*, *bay*, *işik ağası*, *ağ padişah*, *atalık* (*atalığ*) и т. д., обозначающие местных представителей власти, управлявших народом и составлявших общественно-политическую систему управления во времена Кокандского ханства: *өкүмдар* (правитель), *хан*, *датка*, *манап*, *төрө* (вельможа), *мырза* (господин), *кожо* (ходжа), *болуш* (волостной), *миң баиш* (тысяцкий), *кароол* (караул), *корбаши* (курбаши). [Молдо Нияз, 1993: 175.].

В произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» наряду с указанными выше древнетюркскими словами встречается очень много иранских и арабских слов. Причиной этого послужили следующие условия. Во-первых, кыргызы в той или иной степени имели связи с живущими в различных регионах представителями близкородственных, дальнородственных и неродственных языков. Во-вторых, хорошо известно, что, в силу исторических условий, вследствие широкого распространения на земле кыргызов религии ислама, так

же, как и другими тюркскими языками, арабские слова активно заимствовались и кыргызской лексикой. В это время интенсивно внедрялся арабский язык, считавшийся святым в литературе, культуре, науке, кругу знати. А в Иране, в связи с приходом к власти саманидов и широким распространением персидского языка в литературе, культуре, этот язык постепенно начал занимать место, ранее занимаемое арабским языком. Арабский же язык в это время сохранил свое влияние большей частью лишь в религиозных ритуалах, как язык священного корана. В науке, литературе, философии все шире проникал персидский язык, в конце концов начав играть роль официального языка в Средней Азии. В эпоху расцвета персидского языка в народе преобладало мнение, что «персидский язык – самый красивый язык в мире, лишь на этом языке создавать великие произведения». Есть мнения, что именно по этой причине некоторые мыслители и ученые из тюркских народов того времени писали свои произведения не на родном, а на персидском и арабском языках [Өмүралиев, 1991: 14-ноября].

Принимая во внимание подобное историческое положение, академик Б.М. Юнусалиев справедливо отмечал с научной точки зрения, что иранские и арабские слова до революции много заимствовались кыргызским языком под влиянием школ и медресе и письменной литературы на чагатайском языке [Юнусалиев, 1985: 79].

Если после такого научного обзора мы обратим внимание на ирано-арабские слова в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар», то среди 2574 слов, встречаемых в названном произведении, мы обнаружим 212 иранских слов, 207 арабских слов, 44 ирано-арабских слова, которые не имеющих никакого отношения к литературному кыргызскому языку и различным говорам кыргызского языка (если не брать в расчет тех слов, что подчинились фонетическому закону кыргызского языка и глубоко проникли в него). Подобные слова в названном произведении связаны, прежде всего, с религиозными понятиями и использованы в повествовании событий, приближенных по мотиву к этой сфере. Например, (ар.) *лахад* (могила), гробница, углубление, куда кладут покойника; (ар.) *махшар* (большая площадь на том свете, где народ соберется для большого опроса, собрание); (ар.) *гылман*, *гулман* (работник рая); (ар.) *сыраттан* (волосяной мост); (ар.) *ур* райская красавица; (ар.) *азраил* (ангел-губитель); (ар.) *важип* (в религии ислама правило, обязательное к исполнению); (ар) *азазил* (сатана); (ар) *назир* (милостыня, подаяние); (ар.) *таква* (суфий, верный религии); (ар) *кыямы* (прямо вставать с места); (ар) *бедөө* (быстрый скакун); (ар) *йомул* (солнце); (ар) *магрып* (запад); (ар) *машырык* (восток); (ар) *оолу* (дом, двор); (ар) *зулмат* (неграмотный, необразованный) [Молдо Нияз, 1993: 175].

Подобные следы можно наблюдать в рассматриваемом произведении и в иранской лексике. Например: *бахар* (весна), *самодур* (небо), *арзи*, *замын* (земля), *камар* (луна), *йамул* (солнце), *фурсат* (время) и т. д. [Молдо Нияз, 1993: 175.].

Если сравнить эту ситуацию с лексической системой языка тюркских племен, периода древнекыргызской эпохи до IX века, то слов, заимствованных

из иноязычных языков, практически не существует. Например, ученый Э. Н. Наджип: «Словарь М. Кашгари «Девону лугат ат-тюрк» содержал 3 арабских слова и 6 иранских слов. Стихотворение Ж. Баласагына «Кутадгу билиг» содержит 94 арабских слова и 14 иранских слов» [Наджип, 1960: 18.].

В отличие от северо-востока Кыргызстана, в языке кыргызов юго-западной его части, конечно же, используется множество слов, заимствованных из иранского и арабского языков. Однако то, что в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» встречаются иранские и арабские, а также старотюркские слова, которых нет в юго-западном диалекте кыргызского языка, со всей очевидностью говорит о появлении их под влиянием литературного чагатайского языка того времени.

Подытоживая все, что было сказано в четвертой главе, на основе приведенных выше языковых фактов, можно уверенно сказать, что, подобно целому ряду других тюркоязычных мусульманских народов, проживавших в регионе Средней Азии и имевших различные языковые и диалектные особенности, кыргызы также пользовались в XV-XIX веках общим для всех чагатайским языком, а также чагатайским письмом, которое нельзя считать принадлежащим лишь какому-либо одному из названных языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Есть множество научно-теоретических вопросов, связанных с кыргызским языком и развитием его письменной формы, зарождением, формированием литературного кыргызского языка и его особенностями, фонетической, лексико-грамматической системами, орфографией, орфоэпией нашего языка, изучение которых находится на начальной стадии. С этой позиции всестороннее научно-теоретическое исследование в лингвистическом аспекте письменных памятников, принадлежащих кыргызскому народу и написанных чагатайским письмом, является одной из актуальнейших проблем сегодняшнего дня.

1. В данном докторском диссертационном исследовании для всестороннего изучения был взят на примере элементов чагатайского языка в произведении одного из известных представителей письменной кыргызской поэзии Молдо Нияза «Санат дигарасттар» вопрос об использовании кыргызами в XIX веке, подобно другим тюркоязычным народам, чагатайского письма.

2. Такие вопросы, как происхождение чагатайского языка, регион, место, время его распространения, период его формирования, развития, функционирования, использование термина «чагатайский язык» в научных трудах, лингвистические и экстралингвистические особенности этого языка были исследованы на основе трудов зарубежных ученых, на протяжении многих лет проводивших научные изыскания по чагатайскому языку.

3. В работе литературный кыргызский язык и говоры кыргызского языка сравнивались с чагатайским языком, были выявлены такие их общие фонетические черты, как позиционное положение звуков, сходство системы их сочетаемости, их парность и созвучие, такие морфологические черты как одинаковость словообразовательных и словоизменительных категорий,

одинаковость слогового строения слов и корней, общность основного словарного фонда.

4. Было отмечено, что, хотя произведение «Санат дигарасттар» Молдо Нияза было написано на говоре ичкилик, в нем полностью сохранены общеязыковые показатели, характерные для нормы литературного кыргызского языка.

5. Было выявлено, что в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» большей частью использовались свойственные для литературного кыргызского языка разделение на части речи, словообразование, значения, такие признаки, характерные для общекыргызского языка, как категории падежа, принадлежности, у именных слов, лица у глаголов.

6. С помощью статистического метода было доказано, что в названном произведении очень много лексических элементов общенародного характера (*нан, суу, бал, кант, курут, набат, арак, сүт, туз, аш, күрүч, айран* и т.д.), наименований предметов и понятий, связанных с повседневной жизнью, названий свойств и качеств, слов, обозначающих действия. Это явно показывает, что в повседневном общении Молдо Нияз пользовался нормами кыргызского языка.

7. На основе языковых факторов было доказано, что в произведении «Санат дигарасттар», наряду с указанными выше общими языковыми сходствами, широко проявляются местные звуковые особенности, характерные для говора ичкилик, к которому относился поэт, фонетические явления, имеющие место в юго-западном диалекте, такие как смена гласных при произношении, гармония гласных, ассимиляции, диссимиляция, протеза, эпентеза, метатеза, особые языковые средства, отличающиеся от литературного кыргызского языка и относящиеся к сингармонизму, размеру слога, устной речи на говоре ичкилик.

8. Поскольку Молдо Нияз написал свое произведение «Санат дигарасттар», опираясь на орфографические принципы чагатайского письма и используя арабский алфавит, были отмечены и показаны трудности, выявленные при чтении рукописного варианта «Санат дигарасттар».

9. В произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» языковые факты: фонетические, лексические, грамматические характерные для чагатайского языка, сравнивались с литературным кыргызским языком, в результате чего были обнаружены архаичные явления, относящиеся к письменной кыргызской культуре, имеющее в них место влияние языков соседних народов, лингвистические особенности, сохранившие древние языковые и этнические следы.

10. В исследовании были выделены основные общие черты языка произведения Молдо Нияза «Санат дигарасттар» и чагатайского языка.

11. Было доказано, что тексты памятников письма, которое использовали такие наши поэты-писменники, как Молдо Нияз, могут послужить уникальным лингвистическим источником в деле исследования на научной основе письменной культуры кыргызского народа.

12. Научная характеристика лингвистических, графических, лингвосомиотических, диалектных и других особенностей письменных памятников обладает большим значением для кыргызского языкознания как в теоретическом, так и в практическом плане. Важно понимать, что научные изыскания в этом направлении являются не чем иным, как рассмотрением на основе лингвистических фактов процесса формирования кыргызской письменной культуры, попыткой упорядочения названных проблем.

Список опубликованных трудов по теме диссертации:

1) **Акынбекова, А. У.** Из истории изучения чагатайского языка. Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности [Текст] / А. У. Акынбекова // Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. – Часть 2. 2016. С. 134-138. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26443227>

2) **Акынбекова, А. У.** Кыргызские письменные памятники [Текст] / А. У. Акынбекова // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2-х частях – Часть 2. 2016. С. 138-146. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26443325>

3) **Акынбекова, А. У.** Общие фонетические признаки систем гласных современного кыргызского и чагатайского языков [Текст] / А. У. Акынбекова // ЗабГУ// -М., 2016. Т. 11, -№ 3. -С. 127-136. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26028833>

4) **Акынбекова, А. У.** Кыргыз говорлору менен чагатай тилинин үнсүздөр системасындагы жалпылыктар [Текст] / А. У. Акынбекова // Известия вузов Кыргызстана. -Б., 2016. -№4, -155-157-бб. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26180032>

5) **Акынбекова, А. У.** Кыргыз жана чагатай тилдериндеги негизги жалпылыктар (макала) [Текст] / А. У. Акынбекова // Вестник Кыргызского Национального университета имени Ж. Баласагына. 2016. №4 (88). С.86-91. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28944257>

6) **Акынбекова, А. У.** Кыргыз говорлору менен чагатай тилиндеги ат атоочтордогу жалпылыктар [Текст] / А. У. Акынбекова // Известия вузов Кыргызстана. -Б., 2017. -№4,-182-183-бб. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29298715>

7) **Акынбекова, А. У.** Молдо Нияздын чыгармаларындагы чагатай тилинин элементтери [Текст] / А. У. Акынбекова // Известия вузов Кыргызстана. -Б., 2017. -№4. 184-186-бб. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29298717>

8) **Акынбекова, А. У.** Кыргыз жана чагатай тилдериндеги буюм-тайымдарга байланыштуу сөздөрдөгү жалпылыктар [Текст] / А. У. Акынбекова // Известия вузов Кыргызстана. -Б., 2018. -№4, -192-194-бб. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35588805>

9) **Акынбекова, А. У.** Чагатай жана кыргыз тилдериндеги этиштин өзгөчө формаларындагы жалпылыктар [Текст] / А. У. Акынбекова // Известия вузов

Кыргызстана. -Б., 2018. -№4. -195-197-б. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35588806>

10) **Акынбекова, А. У.** Молдо Нияздын кол жазмаларындагы жана чагатай тилиндеги үнсүз тыбыштар боюнча жалпылыктар [Текст] / А. У. Акынбекова // Известия вузов Кыргызстана. -Б., 2019. -№5,-196-198-бб. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41592468>

11) **Акынбекова, А. У.** Чагатай жазуусунун өзгөчөлүктөрү (Молдо Нияздын кол жазмаларынын негизинде) [Текст] / А. У. Акынбекова // Известия вузов Кыргызстана. - 2019. -№5. -236-239-б. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41592478>

12) **Акынбекова, А. У.** Лексические обобщения на кыргызском и чагатайском языках [Текст] / А. У. Акынбекова // Бюллетень науки и практики. – 2019. Т. 5. - №12. -С. 542-546. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41587572>

13) **Акынбекова, А. У.** Возникновение и применение в языкознании термина «чагатайский язык» [Текст] / А. У. Акынбекова // Бюллетень науки и практики. – 2020. Т. 6. -№1. -С. 381-386. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41860892>

14) **Акынбекова, А. У.** Общности слов, связанных с пищей в чагатайском и тюркских языках [Текст] / А. У. Акынбекова // Бюллетень науки и практики. – 2020. Т. 6. -№1. -С. 387-391. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41860893>

15) **Акынбекова, А. У.** Чагатай тилиндеги кыргыз тили менен биримдикти түзгөн сөздөр [Текст] / А. У. Акынбекова // Материалы конференции – Духовный мир народов Башкортостана и России. -УФА, 19 декабря 2019 года. -С. 21-24. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41881298>

16) **Акынбекова, А. У.** Морфологические диалектизмы в произведении Молдо Нияза «Санат дигарасттар» [Текст] / А. У. Акынбекова // Бюллетень науки и практики. – 2020. Т. 6. -№2. -С. 334-340. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42441023>

17) **Акынбекова, А. У.** Общности суффиксов, образующих от глаголов именные части речи в кыргызском и чагатайском языках [Текст] / А. У. Акынбекова // Бюллетень науки и практики. -2020. Т. 6. -№2. -С. 341-346. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42441024>

18) **Акынбекова, А. У.** История собраний рукописей Молдо Нияза [Текст] / А. У. Акынбекова // Бюллетень науки и практики. -2020. Т. 6. -№3. -С. 591-598. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42644815>

19) **Акынбекова, А. У.** Чагатайская письменность, использовавшаяся кыргызами в XIX веке (на основе рукописей поэта Молдо Нияза) [Текст] / А. У. Акынбекова // Бюллетень науки и практики. -2020. Т. 6. -№3. -С. 599-603. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42644816>

20) **Акынбекова, А. У.** Чагатай тилиндеги жөндөмө категориясы [Текст] / А. У. Акынбекова // «Ала-Тоо» Эл аралык университети. -2020. №1. С.151-157. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42931457>

21) **Акынбекова, А. У.** Чагатай тилинде кыргыз тилине жана анын говорлоруна мүнөздүү сан атоочтордун орун алышы [Текст] / А. У. Акынбекова //

22) Акынбекова, А. У. Кыргыз жана чагатай тилдериндеги көмөкчү этиштер ALATOO ACADEMIC STUDIES. Научные исследования в Кыргызской Республике No2/2020, Часть I. С.112-118. <http://journal.vak.kg/god-2020/2-vypusk-2020g/>

Акынбекова Айман Усенбаевнанын 10.02.01– кыргыз тили адистиги боюнча филология илимдеринин доктору окумуштуулук даражасын изденип алуу үчүн жазылган «Молдо Нияздын чыгармаларынын тили: андагы чагатай тилинин лексика-грамматикалык элементтери» деген диссертациясынын

РЕЗЮМЕСИ

Негизги сөздөр: *фонетика, лексика, грамматика, адабий тил, диалект, говор, чагатай тили, морфология, сөз жасоо, орфографиялык принцип, уңгу, мүчө, этимология, семантика, антропоним, кол жазма ж.б*

Изилдөөнүн объектисин чагатай тилинин элементтерин колдонуп жазган Молдо Нияздын «Санат дигарасттар» чыгармасы түзөт.

Изилдөөнүн предмети: Чагатай тилинин илимий-теориялык негизги түшүнүктөрүн, чыгармада кездешкен кыргыз адабий тилинин, түштүк-батыш диалектилеринин жана чагатай тилинин фонетикалык лексика-грамматикалык элементтерин аныктоо сыяктуу проблемалар изилдөөнүн предмети катары каралды.

Изилдөөнүн максаты: Изилдөө XIX жана XX кылымдын 20-жылдарына чейин кыргыз элинде колдонулган чагатай тилинин мүнөздүү өзгөчөлүктөрү туурасында изилдөө аркылуу кыргыз жазма адабиятынын баштоочусу Молдо Нияздын «Санат дигарасттар» чыгармасында кездешкен чагатай тилинин фонетикалык, лексикалык, грамматикалык элементтерин илимий негизде ар тараптуу иликтөө максатын көздөйт.

Изилдөөнүн методдору: Диссертациялык иште изилдөөнүн көздөгөн максатына, алган багытына, мазмун-натыйжасына жараша сыпаттоо, салыштыруу, байкоо жүргүзүү, топтоо, баяндоо, индукция, дедукция, анализ, синтез, схемалаштыруу, антиномия, жалпылоо, статистика жана тектештирме-тарыхый жана зарылдыгына жараша трансформациялык методдор колдонулду.

Изилдөөдөн алынган натыйжалар жана анын жаңылыгы: Адабий тилдин жазма формасын XIX кылымда өнүктүргөндөрдүн башатында турган Молдо Нияздын «Санат дигарасттар» чыгармасынын кол жазма вариантында кездешкен чагатай тилинин элементтери кыргыз тил илиминде биринчи жолу комплекстүү түрдө салыштырылып, андагы лексика-грамматикалык, жалпылыктары илимий

чөйрөгө сунушталды. Изилдөөнүн негизинде чыгарылган жыйынтыктар, илимий корутунду-пикирлер жана топтолгон материалдар кыргыз тилинин тарыхын ар тараптан изилдөө үчүн илимий-теориялык жана практикалык жактан өтө бай, баалуу материалдар болуп саналат.

Ишти колдонуу чөйрөсү: Диссертациянын материалдарын жогорку окуу жайларында окутулуучу «Кыргыз тилинин тарыхы», «Кыргыз тилинин диалектологиясы», «Молдо Нияздын чыгармаларындагы тилдик өзгөчөлүктөр», «Молдо Нияздын кол жазмаларындагы чагатай тилинин элементтери» деген негизги жана адистик атайын курстарды өтүүдө кеңири колдонууга болот.

РЕЗЮМЕ

Диссертации Акынбековой Айман Усенбаевны «Язык произведений Молдо Нияза: лексико-грамматические элементы чагатайского языка в них» на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – кыргызский язык

Ключевые слова: *фонетика, лексика, грамматика, литературный язык, диалект, говор, чагатайский язык, морфология, словообразование, орфографический принцип, корень, аффикс, этимология, семантика, антропоним, рукопись и др.*

Объект исследования: Произведение Молдо Нияза, написанное с использованием элементов чагатайского языка.

Предмет исследования. Предмет исследования составило выявление основных научно-теоретических понятий чагатайского языка, встречающихся в произведении фонетических и лексико-грамматических элементов литературного кыргызского языка, юго-западных диалектов кыргызского языка и чагатайского языка.

Цель исследования. Путем изучения характерных особенностей использовавшегося кыргызами в XIX веке и до 20-х годов XX века чагатайского языка всесторонне на, научной основе исследовать фонетические, лексические и грамматические элементы чагатайского языка, встречающиеся в произведении основоположника письменной кыргызской литературы Молдо Нияза «Санат дигарасттар».

Методы исследования. В диссертационной работе в соответствии с целью исследования, выбранным направлением, содержанием и результатами были применены следующие методы: описательный, сопоставительный, наблюдения, сбора, повествования, индукции, дедукции, анализа, синтеза, схематизации, антиномии, обобщения, статистики и сравнительно-исторический, а также, по необходимости, трансформационный.

Полученные в ходе исследования результаты и их новизна. Элементы чагатайского языка, встречающиеся в произведении «Санат дигарасттар» Молдо Нияза, стоявшего во главе тех, кто в XIX веке развивал письменную форму литературного кыргызского языка, впервые в кыргызском языкознании были подвергнуты сравнению, а его лексико-грамматические признаки предложены научной общественности. Сделанные на основе исследования выводы, научные заключения и мнения, полученные материалы в научно-теоретическом и практическом плане являются богатым, очень ценным источником данных для всестороннего изучения истории кыргызского языка.

Сфера применения работы. Материалы диссертации могут быть использованы в высших учебных заведениях при проведении таких основных и специальных курсов, как «История кыргызского языка», «Диалектология кыргызского языка», «Языковые особенности произведений Молдо Нияза», «Элементы чагатайского языка в рукописях Молдо Нияза».

RESUME

Of the dissertation by Akynbekova Aiman Usenbaevna "Language of the works of Moldo Niyaz: lexical and grammatical elements of the Chagatai language in them" for the degree of Doctor of Philology in the specialty 10.02.01 - the Kyrgyz language

Key words: *phonetics, vocabulary, grammar, literary language, dialect, dialect, Chagatai language, morphology, word formation, orthographic principle, root, affix, etymology, semantics, anthroponym, manuscript, etc.*

Object of study: The work of Moldo Niyaz written using elements of the Chagatai language.

Subject of study. The subject of the study was the identification of the main scientific and theoretical concepts of the Chagatai language, phonetic and lexical-grammatical elements of the literary Kyrgyz language, southwestern dialects of the Kyrgyz language and the Chagatai language found in the work.

The purpose of the study. By studying the characteristic features of the Chagatai language used by the Kyrgyz in the 19th century and until the 20s of the 20th century, to comprehensively, on a scientific basis, explore the phonetic, lexical and grammatical elements of the Chagatai language found in the work of the founder of written Kyrgyz literature Moldo Niyaz "Sanat Digarasttar".

Research methods. In the dissertation work, in accordance with the purpose of the study, the chosen direction, content and results, the following methods were used: descriptive, comparative, observation, collection, narration, induction, deduction, analysis, synthesis, schematization, antinomy, generalization, statistics and comparative-historical, and, when necessary, transformational.

The results obtained in the course of the study and their novelty. The elements of the Chagatai language found in the work "Sanat Digarasttar" by Moldo Niyaz, who was at the head of those who developed the written form of the literary Kyrgyz language in XIX century, were compared for the first time in Kyrgyz linguistics, and its lexical grammatical signs are offered to the scientific community. The conclusions drawn from the study, scientific opinions made on the base of it, the materials collected make a scientifically, theoretically and practically rich and a very valuable sources of data for a comprehensive study of the history of the Kyrgyz language.

Scope of work. The dissertation materials can be used in higher educational institutions when conducting such basic and special courses as "History of the Kyrgyz language", "Dialectology of the Kyrgyz language", "Linguistic features of the works of Moldo Niyaz", "Elements of the Chagatai language in the manuscripts of Moldo Niyaz".

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 3 п.л.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии
Ж.И. «Сарыбаев Т.Т.»
720040, Бишкек, ул. Раззакова, 49.